

РЕАЛЬНОСТЬ И ЗАПРЕДЕЛЬНОСТЬ.
ИСТИННОСТЬ И ЛОЖНОСТЬ

КОЛЫБЕЛЬ ДЛЯ АНГЕЛА

НЕ КОНЕЦ... ДЛЯ КАЖОГО ИЗ НАС
ЗАДУМАНО ЛИШЬ НАЧАЛО

ЛЕВ ЛИПОВСКИЙ

16+

Лев ЛИПОВСКИЙ

Колыбель для Ангела

«Автор»

2017

Липовский Л. А.

Колыбель для Ангела / Л. А. Липовский — «Автор», 2017

Вопрос о смысле жизни не кажется вам тривиальным? Возможно, вы подозреваете, что непостижимое, как и все гениальное, на самом деле просто? Герои романа невольно становятся участниками таинственных событий, в которых столкнулись настолько могущественные силы, что человек в сравнении с ними поначалу кажется никчемной былинкой. И лишь включившись в противоборство, герои понимают, какое несокрушимое могущество заключено в самом человеке. Они пытаются найти свою роль и осторожно нащупывают тонкие грани, разделяющие плотный и тонкий миры, реальность и запредельность, ложность и истинность.

© Липовский Л. А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	37
Глава 6	40
Глава 7	44
Глава 8	48
Глава 9	51
Глава 10	54
Глава 11	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Лев Липовский

Колыбель для Ангела

Вопросов всегда больше, чем ответов.

«... Разве может относительное понять Абсолютное ...»
Станислав де Гюайта

«...Свободный от желаний порочных стремится выше путем высочайшего Духовного развития, отвергая порочные пути развития...»

Славяно-Арийские Веды.

Сантхия Веды Перуна.

Круг Первый. Сантхия 2.1(17)

40000-5000(??) г.г до н.э.

«... Входите тесными вратами, потому, что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому, что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь и немногие находят их ...»

Евангелие от Матфея (7:13-14)

42 г. н.э.

«...И ни одна душа не знает, сколько сокрыто в награду за дела ее...»

Коран. Сура ас-Сажда, аят 17.

632 г. н.э.

Пролог

«... Сияющая Сфера восходящего Солнца протянула свои золотые лучи-нити к Обетованной Сфере по имени Мидгард. Удивительная, голубая, самая цветущая планета во Вселенной, мир, созданный Всевышним Разумом для новорожденных Ангелов, готовилась к экстремному вознесению в Сверхвселенский Эдем миллионов возвращенных на ней молодых Ангелов.

Миллионы изгоев – смертных грешников, ведомые армией демонитов во главе с пятью верховными демонами отчаянно атаковали Ангелор – священный город Ангелов, тщетно пытаясь сорвать Обряд Вознесения. Защитный световой барьер, воздвигнутый Архангелами вокруг стен города, надежно ограждал Ангелор от мира тьмы и мракобесия.

Семь Архангелов, по воле Всевышнего миллионы лет растившие на Земле Ангелов, проносили Молитву Вознесения, стоя на верхней площадке Предвратной Пирамиды, образуя фигуру Священного Ключа. Архангел Михаил держал в вознесенных к небу руках Камень Шантамани – святыню Ангелов Зодиака и одновременно ключ к Вратам портала в Сверхвселенский Эдем. Вокруг пирамиды бесконечными циклическими рядами разместились архаты – молодые Ангелы, вторящие за Архангелами слова молитвы.

Прозвучали заключительные слова молитвы, и с ее окончанием внезапно всю Землю окутала умиротворяющая тишина. Воцарилось абсолютное безмолвие. Замерло все. Солнце разверзлось, открыв Сияющие Врата портала из Вселенной в Сверхвселенский Эдем. В идеальной тишине послышался легкий шелест миллионов крыльев. Ангелы покидали свои оцепеневшие материальные тела – эти земные храмы Ангелов – которые тут же обращались в прах. Следуя по коридору, соединяющему Великий Город с порталом, Ангелы направлялись в Сверхвселенский Эдем.

Когда все Ангелы преодолели Врата портала, в Ангелоре остались только семь Архангелов.

За стенами Великого Города обреченно бесновались изгои, демониты и демоны в бессильной злобе по-прежнему предпринимали попытки прорвать защитный световой барьер.

Архангелы окинули прощальным взором Великий Город, Архангел Михаил изрек:

– Благодарим тебя, Мидгард, за твое терпение. До встречи! До рождения нового поколения Ангелов! Аз-Мы !

Расправив крылья, Архангелы, не нарушая фигуру Священного Ключа, скользнули по солнечным лучам и исчезли в сияющем портале.

На Солнце возник и скрылся в огненных протуберанцах умиротворенный лик Всевышнего. Портал закрылся.

Изгои в отчаянии возопили. Демоны и демониты, взвизывая черными смерчами, оставили своих подопечных и умчались в сумрачные зоны Вселенной.

По Вселенной пронесся злобный рев Сатаны.

Солнце вспыхнуло заревом, от которого покатился огненный шквал, охвативший планетой и уничтоживший все на Великом Континенте. Камни пылали, плавились и превращались в пепел. Мидгард, разверзиши недра, стонал и содрогался в страшной агонии, корчась и источая потоки своей кипящей крови. Ледяные панцири полюсов лопнули, зашипели и превратились в бурлящие гигантские волны, восставшие и поглотившие Великий Континент.

И соединилась вода с водою воедино... И настала тьма...

Закончилась еще одна эпоха Сферы Мидгард...

Ей нужно было время в 500 миллионов лет, чтобы воспрянуть для рождения нового поколения Ангелов Зодиака...»

*Канон 9. Сфера Ангелов.
Всемирная история Ангелов.
Глава ...3127445246.
Сфера Мидгард.*

Свободный перевод с неизвестного языка отрывков «Апокрифонума» произведен исследовательской группой доктора исторических наук, профессора РАН Проханова П.Е.

Часть первая

Сны

«... Жизнь наша двойственна; есть область сна
(грань между тем, что ложно называют смертью и жизнью);
есть сна свой мир –
обширный мир действительности странной ...»

Джордж Гордон Байрон

Глава 1

Полет... Стремительный, безудержный, лихой, от которого перехватывает дыхание, сдавливает грудь, сжимает сердце, холодит кровь.

Полет в неведомую высь, в бесконечность, которая влечет и ужасает своей безграничностью, невысказанной далью и совершенной близостью.

Охватывает вихрь, он несет, не давая задуматься – куда и зачем, в нем нет надежды на возвращение. Да и мыслимо ли вернуться куда-нибудь из ниоткуда. Только полет в никуда, нескончаемое движение в бесконечность, и нет ему направления...

...Страха нет...

...Восхищение...

...Вокруг – ничего, полное ничто... Вдруг, в этой идеальной пустоте возникают какие-то блики. Это песчинки света, которые пролетают сквозь тебя, не касаясь. Затем они все более уплотняются, образуя единое целое, казалось бы, не связанное между собой, совершенно отдельное от всего остального, но при этом единое со всем остальным ...

Внезапно пронзает осознание – нет того, что именуется плотью. Нет ощущения той щемящей боли, которая сдавливала грудь, сжимала сердце, холодила кровь. И нет дыхания, которое перехватывало от этой сжимающей силы... Всего этого просто нет...

Но есть великолепная сущность, которая летит в своем головокружительном полете, все более ускоряясь и совершенствуясь...

Наконец что-то совершенно сформированное и организованное начинает обретать степень абсолютного, и ты уже знаешь, что эта сущность и есть ты...

А вокруг такие же крупинки света, собранные воедино, в такие же сущности и всех их в отдельности и единой общности ты знал всегда... А вместе – чудесное, великолепное сияние, образующее что-то невысказанно Грандиозное, стремительно несущееся вперед...

Возникает непреодолимое желание скорее достигнуть и пересечь границу таинственного предела, за которым открывается главная тайна, звездным пологом покрывающая загадочное понятие – Мечта. Вот уже совсем близко и можно разглядеть дивные просторы, великолепные ландшафты, от вида которых расцветает сознание...

Звонок...

Откуда-то издали. Настойчивый, нетерпеливый...

И внезапное падение в бездну...

Да, это звонок.

Телефон.

Веки медленно приоткрылись и взгляд в полутьме нащупал потолок с полоской света от неплотно зашторенного окна. Будильник на тумбочке отрешенно показывал половину десятого. Утро или вечер?

Азаров встрепенулся и потерянно уставился на будильник, потом схватил с тумбочки наручные часы. Они оказались солидарны с будильником. Но их лунный циферблат сомнений не оставлял – сейчас утро и это означало, что он снова проспал, во второй раз за последний месяц. Азаров, в отчаянии, бросил часы на тумбочку, с ненавистью взглянул на будильник, который был, впрочем, ни в чем не виноват. Старый, еще советский, будильник был надежен и практически вечен, как железный молоток. Азаров точно знал, что будильник звонил в шесть утра, как и в прошлый раз, только он его не услышал.

Азаров поднялся с постели, встал на ноги и... рухнул на пол. В недоумении глядя на непослушные ноги, попробовал пошевелить ими. Ноги вяло повторили заданные движения.

Души коснулся легкий холодок испуга. Энергичный, спортивный, в свои сорок с небольшим, Азаров понятия не имел о каких-либо недугах. Трехдневный насморк – единственный сбой, который прежде мог допустить его организм. Но сейчас Азаров был в замешательстве – что с ним происходит?

Между тем, неумный телефон настойчиво продолжал звонить. Азаров снова попробовал встать на ноги, и облегченно вздохнул – они вновь стали привычно послушны.

Добравшись, наконец, до телефона, лежащего на журнальном столике, он тяжело опустился в стоявшее рядом кресло и нехотя взял трубку.

– Я слушаю, – произнес он устало.

– Руслан, ну и как это понимать? Все телефоны отключены, благо – на домашний ответил.

Азаров узнал голос Алены, секретаря редакции журнала «Танаис», в котором он в последние полтора года работал корреспондентом.

– Доброе утро, Ален, – Азаров сконфужено потер лоб ладонью. – Вряд ли я смогу объяснить это самому себе, а тебе уж тем более.

– Мне-то ладно, а шефу? Он, мягко говоря, страшно недоволен.

– Я представляю.

– Нет, не представляешь! Ему уже час звонит помощник нашего незабвенного депутата, который назначил тебе встречу. Шеф кипит, и я уж не знаю, что ему соврать. Сказать, что ты заболел, так он и не поверит – при твоём-то бычьим здоровьем.

Азаров поморщился:

– Ален, ты тоже не согласишься. Тут и врать-то не надо – у меня, похоже, действительно что-то со здоровьем.

– Уморительная шутка... Или не шутка? Что-то серьезное?

– Нет, Ален, ерунда. Нервишки, видимо, шалют.

– Сам ты ерунда. Ты отпуск брать не пробовал?

– Я был в отпуске...

– Конечно же, был! Только в прошлом году, и всего три дня. К тому же, одновременно собирал материал для статьи. Ты хоть мужик и железный, Азаров, но всякий металл имеет предел прочности. Работа не стоит здоровья, а тем более – жизни.

– Ален, ты же знаешь, я без работы не могу. Она и есть моя настоящая жизнь. Но этот депутат у меня как кость в горле. Я же знаю, чего ожидать от подобных деятелей. Не интервью же он мне собирается дать. Заказная статья – вот что мне предстоит сотворить. Как раз то, чего я больше всего терпеть не могу. Наш-то «главный» об этом точно знает. Понять одного не могу – почему именно мне это счастье досталось?

– Потому, что ты – лучший, – безапелляционно ответила Алена. – Ну, а «главному», сам знаешь, деваться некуда. Сын этого депутата – один из учредителей нашего журнала. Шеф и так с трудом лавирует между ангелом и бесом. Едва успевает изворачиваться от жестоких объятий судьбы. А он, в отличие от тебя, здоровьем не похвастает. Напора не выдержит. Так что, терпи Азаров, а я пока... Я перезвоню.

Разговор прервался. Азаров понял, что для этого была веская причина.

Он положил трубку и в ожидании понуро застыл у телефона. Он прекрасно знал, что Алена все проблемы решит играючи. В редакции она была не просто секретарем, а палочкой-выручалочкой и своеобразным громоотводом. Алена умела мастерски сглаживать конфликтные ситуации и за свой дипломатический талант пользовалась заслуженным уважением и главного редактора, и особенно – журналистской братии. Он до сих пор поражался, как эта женщина с тонким умом, добрым сердцем и врожденным чувством такта, приложенными к умопомрачительной красоте, до сих пор не нашла свое личное счастье. Красота и интеллект в одном флаконе настораживали тех мужчин, которые могли заслужить ее внимания. Они испытывали некую угрозу собственной самооценке. Те же, кто готов был этим поступиться, не вызы-

вали у нее интереса. В этом, видимо, и есть парадокс умных красавиц. Переступив через свои принципы, они непременно теряли магическую целостность роковой женщины.

Ждать пришлось недолго. Уже через минуту раздался звонок и ее бархатный голос вновь оживил трубку:

– Все в норме. Шефу я сказала, что ты звонил, пока он был на летучке, и что ты срочно решаешь какие-то личные проблемы. Какие уж там проблемы – сам придумай. Встреча с депутатом перенесена на завтра, на десять утра. И действительно, чего это они в твою персону так уперлись? Есть в этом какая-то загадка, но, как бы то ни было, Руслан, пока это неизбежность!

– Спасибо, Ален. Ты просто умница.

– Была бы умница, давно бы вышла замуж за приличного олигарха, – Алена саркастически хмыкнула в трубку. – Хотя, о чем я – олигарх, да еще и приличный. Нонсенс, да и только.

– У тебя еще все впереди, – успокоил ее Азаров, изумившись лишь на мгновение – «кто из нас прочитал мысли другого?». – Ты, Алена – клад бесценный, а чтобы найти клад, нужно время.

– Не лести, Азаров, ты давно меня знаешь. Я человек земной, реальный, в сказки не верю. Жизнь свою строю сама, – потом резко оборвала, – ну все, у меня дел уйма. Завтра увидимся.

– Непременно. Еще раз спасибо, Ален. Я тебя люблю.

– Как друга? Ну до завтра, друг, – насмешливый голос на том конце линии сменили короткие гудки отбоя.

Он положил трубку, посмотрел снова на босые ноги, пошевелил пальцами. Что это такое с ним было? Пальцы рук и ног словно покалывали иголки. Все это нервы. Но откуда на душе загадочный неприятный холодок? Наверное, с возрастом, каждый мужчина на любой неожиданный взбрык своего организма реагирует болезненно.

«Пора показаться Сереге Савельеву, – мысль родилась внезапно. – Как-никак Серега – народный целитель, хоть и бывший врач. И вообще – прекрасная возможность лишний раз пообщаться с другом детства».

Азаров, как и многие здоровые от природы люди, не признавал медицины и никогда по собственной инициативе не обращался к врачам. Савельев же был и остается его лучшим другом. Друг детства – это как лучик света, который сопровождает тебя всю жизнь. Ему он готов был доверить свои внезапные страхи относительно здоровья.

Рука привычно набрала нужный номер.

– Алло, – зазвучал в трубке знакомый голос.

– Здравствуй, чародей, – Азаров был рад, что Савельев ответил сразу. В последнее время застать Савельева у телефона случалось не часто, мобильные же телефоны тот вообще не признавал. – Как там дела в сферах белой и черной магии?

– Привет, Рус, – в голосе Савельева звучала искренняя радость. – И сколько раз я тебе пытался объяснить, что никакими магиями я не занимаюсь. У меня другое направление деятельности. Я – целитель. Для сведения некоторых неосведомденных журналистов – это большая разница. Что-то давненько мы с тобой не виделись. С майских, пожалуй. Словно живем не в одном городе, а на разных континентах. Нехорошо. Сам-то как живешь? Что нового в мире СМИ?

– Нового? Брось. Наш мир настолько закономерен и предсказуем, что новости в нем повторяются с заметной периодичностью. Грубо говоря, новости – это хроника круговорота обыденности, помноженной на эволюцию. Лишь полубезумные личности, типа Чингисхана или Эйнштейна, в состоянии нарушить эту привычную закономерность.

– Неожиданная мысль для журналиста, живущего новостями.

– Может быть, но разве я не прав?

– Тебе виднее, – согласился Савельев, – ты ближе к суетному миру, я же блуждаю в его тени. Ищу в нем окна и двери, но они порой наглухо закрыты.

– Кстати, Сергей, мне как раз это от тебя и нужно – чтобы ты заглянул из своего окошка в мой личный потаенный мир.

– Хорошо, Руслан. Ты же знаешь, я всегда готов помочь, чем могу – это мой удел. Тем более – тебе.

– Когда можно заехать?

– Если можешь, то сейчас.

– Стели ковровую дорожку. Я уже в пути.

Азаров положил трубку и подошел к окну и распахнул шторы. Вид с шестнадцатого этажа был великолепный. Солнечный свет заливал улицы города, искрился в отражениях стекол, наполняя собой все окружающее. И было в нем столько жизненной силы, что утренняя неприятность показалась ему нелепым пустяком. Захотелось забыть ее и никогда не вспоминать, но вновь всплыло холодящее ощущение неизвестности и беспомощности перед ней. Желание поделиться своими переживаниями приобрело статус необходимости. К тому же очень захотелось повидаться со своим верным другом, с которым в последнее время, из-за обыденной суеты, они действительно не часто видятся.

Через десять минут он уже сидел в машине.

Глава 2

Отец Алексей, настоятель храма Святой Троицы в станице Новотроицкой, ранним утром, привычным маршрутом – центральной улицей – следовал на службу. Пожилые станичники и люди среднего возраста, встречая священника, учтиво кланялись и приветствовали его словами: «Будь здоров, батюшка». Отец Алексей кланялся в ответ, и благословляя, осенял их крестным знаменем. Молодежь здоровалась редко, по большей части только соседская. Остальные либо проходили безразлично, не обращая на него никакого внимания, либо снисходительно улыбались вслед. Этот ежедневный путь был привычен для священника и для станичников и воспринимался всеми, как само собой разумеющееся и неизменное. Но так было не всегда.

Отец Алексей, в миру Алексей Першиков, сан свой носил довольно давно. Хотя это был уже второй этап в его жизни.

На первом ее этапе Алексей жил мирской жизнью и строил в ней дальновидные планы. Человеком он был настойчивым, упорным и благодаря этому добивался многого. Окончив среднюю школу с золотой медалью, он без особого труда поступил на восточный факультет Ленинградского университета. Изучение восточных языков не прошло даром, и по окончании университета, он уехал военным переводчиком в Афганистан, чем был тогда безумно горд. Но два года сплошного кошмара оставили огненный след в душе Алексея и очистили сознание от иллюзий, привитых с детства, казалось навсегда. Однако он смог победить в себе зародившуюся жестокость, избежав падения в пропасть цинизма и разочарования. По возвращении в Союз, прежняя жизнь, наполненная мирскими хлопотами и обывательской гонкой за «жизненно необходимым», показалась ему пустой и скучной, лишенной чего-то важного. Без излишних сомнений он поступил в духовную семинарию, что тогда представлялось ему единственно верным и спасительным выходом.

И сейчас, по прошествии многих лет, он нисколько не сомневался в правильности своего выбора. Обращение к духовности не только дало ему силы помочь своей мятущейся душе, но и возможность помогать людским душам, попавшим под неумолимые жернова жизни. Эта забота о других давала ему колоссальный духовный заряд.

У ворот церкви отец Алексей, к своему удивлению, увидел старенький полицейский «уазик» и скучающего за его баранкой участкового – капитана Фролова. Это обеспокоило его – с чего бы участковому в такую рань находиться у церкви? Не иначе, как что-то случилось.

– День добрый, батюшка, – Фролов, заметив священника, бодро выскочил из машины.

– Дай бог нам всем хорошего дня, – перекрестился отец Алексей. – Что привело тебя к божьему храму в столь ранний час, Юрий Степанович?

– Час для нас с вами, батюшка, не такой уж и ранний, – Фролов казался озабоченным.

Это насторожило священника еще больше:

– И это верно. Так что ж, по службе дела в храм божий привели, или самому божья помощь потребовалась?

– Пожалуй, по службе батюшка. Не знаю, чья здесь помощь нужна больше. Одно скажу точно – без вашей помощи, батюшка, мне, пожалуй, не обойтись.

Отец Алексей пристально посмотрел на Фролова, произнес:

– Пойдем, Юрий Степанович, в храм Господень. Там и думается легче.

На крыльце их встретил и поприветствовал дьякон.

Перекрестившись перед входом в храм, они вошли. То, как Фролов снял фуражку на входе, спешно перекрестился и неуклюже поклонился, отец Алексей заметил, но виду не подал, лишь подумал: «Пусть с трудом, но возвращаются люди к святой вере. Слишком долго прежде народ от нее отучали, а сейчас люди поворачиваются к Богу лицом и сердцем, значит, есть в том знак доброго начала».

Прошли в ризницу. Отец Алексей облачился в епитрахиль, набедренник, пояс и поручи, надел большой крест, и, обернувшись к образу Иисуса Христа, перекрестился.

Затем позвал участкового.

– Что ж, рассказывай Юрий Степанович, какие дела привели тебя, – отец Алексей огладил окладистую бороду и выжидающе посмотрел на Фролова. Взгляд его выражал сосредоточенность и внимание.

– А дело вот какое, батюшка. Вчера в приемное отделение нашей больницы привезли какого-то бродягу. Нашла его за своим огородом бабка Назариха, соседка ваша, что на окраине, у леса, живет. Назариха мне рассказала, что лежал бродяга тот без сознания – глаза открыты, и туманный взгляд в небо направлен. Ни крови, ни повреждений никаких на нем не было. На «скорой» привезли его в больницу – с тех пор так там и лежит, с открытыми глазами, но без сознания. Меня удивить трудно, не такое видывал, но я его увидел – мурашки по коже побежали. Лежит огромного роста мужик, вроде неживой, а вроде как вот-вот встанет – словно внезапно застыл. Врачи вокруг него суетятся, обещали сделать все возможное. На койку больничную он не вмещался, так они там из двух коек одну соорудили. Страсть какой огромный. И вообще, что-то в нем есть такое необычное, а что – не пойму.

Фролов замолчал и в задумчивости теребил ремешок фуражки, размышляя, чем же его еще так поразил незнакомец.

Отец Алексей, перекрестившись, вслух произнес:

– Спаси его Христос, – пригладил бороду и вопросительно посмотрел на Фролова. – Что ж, благословить болящего и страждущего – мое предназначение.

– Да, конечно, – спохватился Фролов, – и это, само собой, необходимо. Но я, собственно, хотел попросить помощи совсем по другому вопросу. У него вещей-то с собой немного было – так, котомка с парой тряпок, но вот среди них одна вещичка, пожалуй, интересная будет. Вроде, как церковная.

Отец Алексей удивленно взглянул на Фролова.

– На ней знак вроде креста, – пояснил свое предположение Фролов. – Хотя я и ошибаться могу, но очень похоже. Так вот я и подумал, не в церкви ли какой украдена штука эта. Страна наша большая, кто знает – где этого бродягу носило. Прежде, чем докладывать начальству, решил вот для начала проконсультироваться относительно принадлежности ее к церковному инвентарю, авось ценность какую представляет.

– В эксперты насчет ценности я, конечно, вряд ли схожусь, – отец Алексей слегка нахмурил брови, – однако принадлежность к церковному инвентарю, пожалуй, определить смогу.

– Вот и хорошо, – обрадовался Фролов, – я ее сейчас принесу. Она у меня в машине. Уж не обессудьте, займу у вас немного времени.

Отец Алексей согласно кивнул.

Фролов торопливо вышел, а отец Алексей задумчиво прошелся по ризнице. Впервые к нему обращались с такой просьбой. К тому же услышанное немного взволновало его. Не часто в их тихой и благополучной станице происходят столь необычные события.

Вернулся Фролов. В руках он нес потертую старинную кожаную сумку с длинным наплечным ремнем.

– Вот все его богатство, – Фролов поставил сумку на стол.

Отец Алексей подошел к столу, потрогал сумку и, ощутив под рукой нежную фактуру выделанной кожи, внимательно осмотрел ее. Было в этой сумке что-то древнее, далекое. Толстая мягкая кожа изрядно потерта, особенно наплечный ремень, что свидетельствовало о почтенном возрасте вещи. Вместо ниток, сшита сумка была тонкими кожаными полосками, но самым интересными в ней казались застежки, которыми закрывался клапан сумки. Они представляли собой два цилиндрика, выполненных из отполированного, стеклоподобного, черного камня, с проточенными посередине, вкруговую, канавками, которые охватывали петли, при-

шитые тонкими кожаными полосками к сумке. «Вот уж поистине, – подумал отец Алексей, – все новое – хорошо забытое старое». Сейчас подобные застежки вместо пуговиц зачастую используют на всяких модных предметах верхней одежды. Какая временная пропасть между этими застежками.

Фролов их расстегнул, откинул клапан и извлек из сумки странный предмет. Он очень бережно положил его на стол. Одного взгляда отцу Алексею было достаточно, чтобы понять, что перед ним очень древняя и необычная вещь. От нее словно хлынула волна времени, но не холодная волна, которая обычно исходит от старинных, но давно умерших вещей, а теплая – волна жизни. Ему даже показалось, что он явственно ощущает это тепло – внутреннее, сокровенное, несущее в себе что-то таинственное, предназначенное именно ему. Такое странное ощущение возникает при созерцании старинных икон и отец Алексей невольно отнес эту вещь к категории духовных реликвий. Сам предмет словно уверял в этом, безмолвно, но бесспорно. Рассматривая нанесенные на нем узоры, отец Алексей провел по ним кончиками пальцев, и ему почудилось, что он слышит какой-то приглушенный шепот. Он мысленно стряхнул с себя это ощущение, но шепот все равно продолжал проникать в его сознание, как только он прикасался к предмету, будто кто-то невидимый шептал ему на ухо молитву. Это можно было понять по интонации, но слов не разобрать. Да и были ли это слова? И был ли вообще этот шепот? Сейчас он поручиться за это не мог.

Он посмотрел на Фролова. Тот непонимающе, но с интересом наблюдал за священником.

– Ты что-нибудь слышишь, Юрий Степанович? – спросил отец Алексей, в надежде получить подтверждение своим ощущениям.

Фролов озадаченно прислушался, покрутив головой, и удивленно обернулся к отцу Алексею:

– Я слышу мотоцикл. Опять Куприянов с утра пораньше без шлема по улицам гоняет. Трактора, слышу, в мехпарке заводятся. А что?

– Нет, ничего, показалось, наверное, – отец Алексей смущенно тряхнул головой. Шепот растворился в доносящихся с улицы звуках. Огонь лампы у образа Иисуса Христа качнулся и выровнялся, засияв ровным белым пламенем. Это было как наваждение. Оно настораживало. Настораживало, как все необычное, но не пугало.

Священник вновь сосредоточил внимание на загадочном предмете. Он был выполнен из странного твердого материала красноватого оттенка, и представлял собой две четырехугольные пирамиды, соединенные между собой основаниями. Никакой вычурности, присущей бесполезным помпезным вещам. Строгость исполнения как бы свидетельствовала о важности и величественности предназначения. На одной их граней размещалось странное изображение, отдаленно напоминающее очертаниями крест, с нанесенным на нем и вокруг него, знаками. На всех гранях предмета также по спиралям были нанесены знаки, часть из которых показались отцу Алексею знакомыми. Сознание его всколыхнулось, извлекая из памяти давно забытые странички жизни.

Во времена учебы в университете Алексей Першиков увлекался древнеегипетской культурой. Часами пропадая в библиотеках, он перечитал уйму литературы по истории одной из древнейших цивилизаций. На толкучке скупил у букинистов по этой теме все, на что был способен его студенческий бюджет. И сейчас, рассматривая знаки на принесенном предмете, он почти не сомневался в их происхождении. Часть из них имели нечто общее с древнеегипетским идеографическим письмом. Отец Алексей, пораженный своей догадкой, поднял взгляд на Фролова, и взгляд этот выражал изумление.

Фролов почувствовал, как по спине пробежал озноб.

– Ну, что я говорил! Вещичка-то, видимо, все-таки не простая, а? – прошептал он, словно боясь спугнуть удачу. Фролов не скрывал радости – милицейское чутье его не подвело.

– Да, Юрий Степанович, – помедлив, произнес отец Алексей, – предмет этот действительно, похоже, не безделушка, хотя к православной церкви вряд ли имеет отношение. Но само то, что он находится сейчас перед нами, я уже считаю чудом. Конечно если это не подделка под старину, во что я мало верю. Ведь подделывают обычно дорогие вещи, а тут, будто специально, выполнено все скромно, да еще и материал не драгоценный. Похоже на медь.

– Ну не скажите, – возразил Фролов. – В наше-то время любой цветной металл немалых денег стоит. Даже бомжи вшивые вон по помойкам алюминиевые банки из-под напитков собирают и в цветмет сдают. А тут весу килограмм пять будет, не меньше. Для любого бомжа – находка.

– Негоже, Юрий Степанович, так о людях говорить. Все под Богом ходим. А вот то, что вещица эта – ценная находка, я почти уверен. Если вещь подлинная, то для науки и истории – находка. Хотя, поди разбери теперь, откуда она взялась и какую грандиозную историю имеет. Письмена на ней похожи на древнеегипетские. Учитывая это, ей, по меньшей мере, две-три тысячи лет, а то и более.

– Сколько?! – Фролов недоверчиво глянул на священника, потом перевел изумленный взгляд на загадочный предмет.

– Однако, утверждать не берусь, – оговорился отец Алексей. – Это следовало бы проверить.

– Да-а, – протянул Фролов, продолжая находиться в состоянии легкого шока от услышанного. – Как же она в Россию-то попала? До Египта от нас не ближний свет. Хоть бы бродяга этот выжил, авось и правду узнаем.

– А в сумке больше ничего не было? – поинтересовался отец Алексей.

– Было тряпье какое-то грязное. Я его в больнице оставил – не хватало вшей или другой гадости подхватить, – ответил Фролов, брезгливо поморщившись.

Он сосредоточенно потер затылок:

– Батюшка, а сами вы можете определить, что это за штукавина?

– Отчасти, Юрий Степанович. Назначение ее только эксперты могут определить. Мы же с вами можем только кое-что предположить. Есть у меня пару книг по древнеегипетскому письму – с молодых лет остались. Можно попытаться прочесть надписи.

– Было бы неплохо, батюшка. И мне это будет интересно, – воодушевился идеей Фролов.

Рутинная жизнь участкового инспектора не часто озаряется столь яркими эпизодами, поэтому Фролов старался извлечь из данного случая максимум возможной пользы.

– Подъезжай-ка, Юрий Степанович, ко мне вечером домой с этой вещицей. Найду я свои книжки и постараемся побольше узнать о ней.

– Непременно заеду, непременно, – Фролов не скрывал радости. Он уложил предмет обратно в сумку. – Что ж, спасибо, батюшка, за содействие правоохранительным органам, ну и мне лично, конечно. Пора идти, а то уж больно долго мой участок без присмотра.

– Бог в помощь, – кивнул отец Алексей на прощание, пропуская Фролова в открытую дверь. – А я сегодня посету горемычного в больнице, благословлю.

Оставшись один, отец Алексей попытался осмыслить все увиденное и услышанное. Все в этой истории показалось ему странным: невесть откуда взявшийся скиталец, найденный без сознания, странный предмет с древними надписями, наконец – сумка, которая, судя по ее стилю и состоянию, в возрасте не намного уступала самому предмету. Как будто странник этот попал в наше время из другого века или даже из другой эпохи. А еще это странное наваждение, овладевшее им при осмотре предмета. Что это было? Где-то в глубоком подсознании заискрились туманные, осколочные воспоминания – что-то в этом показалось ему знакомым.

«Непременно в этом нужно разобраться, – подумал отец Алексей. – И непременно увидеть этого странника. А пока самое время помолиться за него. Жаль имени не знаю». Отец Алексей обернувшись к образу, начал молитву за здравие.

Глаза Иисуса Христа проникновенно и испытующе взирали на него. Отцу Алексею вдруг показалось, что в уголке глаза Господа блеснула прозрачная слеза, а лик озарился едва различимой улыбкой.

Глава 3

Азаров едва успел нажать на педаль тормоза. Его «девятка» жалобно взвизгнула тормозными колодками. Горел уже зеленый сигнал светофора, когда на пешеходный переход, не обращая никакого внимания ни на светофор, ни на движущийся транспорт, вышла старушка. Машина остановилась буквально в считанных сантиметрах от нее. Руслан с облегчением вздохнул, холодная волна медленно прокатилась от макушки до конечностей и застыла колючими льдинками в кончиках пальцев. Но то, что произошло в следующую секунду, повергло его в гораздо более глубокий шок. Старушка, нисколько не испугавшись визга тормозов, обернулась к машине, с размаху грохнула сумкой по капоту, затем зло пнула бампер и в довершение ко всему плюнула в лобовое стекло. После всего этого она разразилась гневной тирадой с таким набором ненормативных эпитетов, что все предыдущие ее действия показались лишь легким упреком. Продолжая выкрикивать ругательства, периодически оборачиваясь и грозя сухеньким кулачком, она деловито продолжила свой путь. Руслан пришел в себя, лишь услышав клаксон остановившейся сзади машины и торопливо нажал на газ.

Набирая скорость, Азаров еще раз взглянул на противоположную часть улицы, куда направилась старушка, но она умудрилась удивительным образом исчезнуть. Он еще раз окинул взглядом пустынную улицу, но старушки нигде не оказалось. Только невесть откуда взявшаяся старая, облезлая черная кошка, потершись о стойку светофора и бросив пристальный изумрудный взгляд в его сторону, засемила в направлении мусорных баков.

Продолжая свою поездку, Азаров никак не мог отделаться от чувства досады. Он себя не оправдывал. Конечно, за рулем автомобиля нужно быть предельно внимательным и собранным, чтобы не допускать подобных случаев. Но поведение старушки показалось ему более чем странным и, по меньшей мере, возмутительным. И сколько же злобы и неприкрытой ненависти было в ее глазах. Ему даже показалось, что он видел злобные зеленые огоньки в ее глазах. Он посмотрел на капот и присвистнул. В том месте, куда пришелся удар старушкиной сумки, красовалась небольшая, но достаточно глубокая вмятина. «Елки-палки, что ж у нее в сумке-то лежало, кирпич что ли. Не старушка, а кобра, – сокрушаясь подумал Азаров и только теперь обратил внимание на плевков на лобовом стекле. – А вот и яд». Он включил дворник и омыватель стекла смыл этот оскорбительный след нападения. Ему стало обидно, не столько за себя, сколько за невинно пострадавшую машину. Он хоть и эксплуатировал ее нещадно, но относился к ней, как к надежному товарищу.

Ему отчего-то вспомнилось, что это была уже третья машина в его жизни. Первую свою машину, старенькую «копейку», они с женой Светланой получили в качестве свадебного подарка от его отца. Вторую машину, «Фольксваген гольф», они купили «с рук» пять лет спустя, когда Азаров уже работал репортером в многотиражке. Эту машину он вспоминал с болью. Именно на ней три года назад Светлана погибла в автокатастрофе. Нелепо, как обычно и происходит в таких случаях. Рядом с дорогой мальчишки играли в футбол, мяч выкатился на дорогу, один из мальчишек в азарте игры выбежал за ним. Чтобы не сбить ребенка, Светлана направила машину на обочину. Машина упала в свежерытый котлован. Скорая помощь прибыла слишком поздно.

Тяжелые воспоминания черным пауком вылезли из глубины памяти, тоска навалилась на него гнетущей тяжестью. После гибели Светланы в его душе образовалась огромная область пустоты, которую он ничем не мог заполнить. Был период, когда он искал утешение на дне стакана. Не найдя в этом проку, он пытался много, до изнеможения, работать, но это не спасало. Это было его незаживающей раной, и излечить ее было невозможно. Светлана навсегда унесла с собой часть его души.

Клаксон вырвал его из раздумий. Зеленый сигнал светофора уже горел, а он все стоял на перекрестке. «Так, что-то я сегодня чересчур рассеянный, – спохватился Азаров, включая передачу и нажимая педаль газа. – Похоже, сегодня не мой день. Нужно встряхнуться». Он потряс головой, действительно ощутив себя чуть бодрее. Проехав еще квартал, он свернул в знакомый широкий переулок и остановился возле дома Савельева.

Небольшой одноэтажный дом с зеленой черепичной крышей и свежевыкрашенным белым забором не имел никакой вывески, но многие в городе его знали и посещали. Савельев уже давно был известен в Ростове-на-Дону, как специалист по нетрадиционной медицине и имел в этой области определенный авторитет. А в свое время был он отменным хирургом, спас многих от неминуемой смерти. Все внезапно изменилось после его поездки в Тибет, куда он отправился с этнографической экспедицией. Вернулся он через пять лет совершенно другим человеком.

Азаров знал его с детства – учились вместе с первого класса. Сколько он его помнил, Сергей всегда был непоседой – взбалмошным, лихим и безрассудным. Его постоянно посещали несусветные идеи, а поскольку он был заводилой во всем, то всегда подбивал на их воплощение свое окружение. Остановить его было немислимо.

Он и в пору работы хирургом, напористый и исключительно уверенный в собственных силах, брался за операции, на которые не решались более опытные, но осторожные специалисты, и проводил их безукоризненно.

Из Тибета он вернулся другим – сосредоточенным, спокойным, каким-то одухотворенным. На расспросы знакомых о его пребывании в Тибете отвечал уклончиво. Азарову сказал коротко – как-нибудь расскажу. Но пока так и не рассказал.

По приезду он не вернулся в больницу, где его ждало блестящее будущее. На расспросы знакомых о причинах ухода отвечал просто: «Потерял интерес к хирургии». Только Азарову, как лучшему другу, сказал: «Руслан, я познал одну истину: совершая порой сложнейшие манипуляции, добываясь в них совершенства, мы даже не догадываемся, что эта сложность и есть примитивность. Мы читали в институте слова Авиценны – «Устрани причину – пройдет и болезнь» и думали, что понимаем их смысл. А на самом деле не доходили до причин. Современная медицина устранить причину болезни не способна, поскольку принимает за причину ее последствия. Лечить людей прежними методами я уже не смогу. А нынешние мои методы в больнице пока неприемлемы».

Эти неясные суждения и вообще поведение Савельева по возвращении из Тибета, Азаров поначалу воспринял как очередную его несусветную идею. Но когда Сергей открыл на дому что-то вроде центра нетрадиционной медицины, принимая своих пациентов, и по городу, а затем и за его пределами, разлетелась молва о его феноменальных способностях целителя, экстрасенса, и всякого такого прочего, Азаров понял, что это серьезно и в личности Савельева действительно произошли какие-то кардинальные перемены.

Во всяком случае, и это особенно радовало Азарова, на их дружбу это никак не повлияло. И он благодарил Бога за то, что Савельев не остался со своими идеями в Тибете. Хотя и считал его нынешнее увлечение, мягко говоря, несерьезным. Азаров рассматривал это именно как увлечение, не более того, тем более, что за свои эксперименты Савельев денег с пациентов не брал.

Азарову как-то не приходила в голову идея проанализировать, почему посетители Савельева, которых тот отказывался называть пациентами, после «исцеления» коренным образом меняли свой образ жизни. Многие из них превращались из прежних прожженных обывателей, аморальных или асоциальных элементов в одухотворенные личности – одни обращались в веру, другие становились всевозможными меценатами или волонтерами. По крайней мере, прежним никто из них не остался.

Зарабатывал же на жизнь Савельев тем, что писал странные, опять-таки по мнению самого Азарова, книги по самоисцелению духа и тела, которые все-таки, к его удивлению, пользовались спросом. Азаров даже, предприняв неслыханные усилия, попытался прочитать одну из его книг и ничего в ней не понял. Решил больше не пробовать повторить подобное самоистязание.

«Ты не готов», – говорил ему Савельев.

А он и не спорил.

Прежде он никогда не обращался к Савельеву за помощью ни по его прежней, ни, тем более, по его нынешней медицинской специализации. В общем-то, он и от сегодняшнего своего посещения не ожидал каких-либо серьезных результатов. Просто хотелось дружеского участия.

Азаров выбрался из машины и подошел к капоту, чтобы ближе осмотреть вмятину от пережитой атаки агрессивной старушки. К его удивлению, ни единого признака повреждений на капоте не оказалось. Не обнаружил он не только вмятины, но даже царапины. Это было странным, поскольку на том злополучном перекрестке он отчетливо видел приличную вмятину. Будучи реалистом, он все же решил, что вмятина была его психологическим миражом. Этот вывод показался ему вполне убедительным.

Азаров открыл калитку и ступил на узорную цементную плитку двора. Весь двор и дом были отделаны просто, без изысков, но очень аккуратно, по-хозяйски добросовестно, учитывая при этом, что в большинстве своем все было сделано исключительно руками Савельева. Слева перед домом располагалась уютная беседка с плетеными из лозы шезлонгами, опутанная диким виноградом, справа разбита круглая клумба с набором разнообразных цветов. Эта беседка предназначалась для посетителей. Дом из красного кирпича имел два входа. Центральный также был предназначен для посетителей и вел в переднюю, рабочую часть дома, где находился так называемый рабочий кабинет Савельева. С тыльной стороны находился вход в жилую половину дома. В жилой половине Азаров бывал часто, в отличие от рабочих.

В кабинете Савельева он побывал лишь раз, когда Сергей пригласил его перед началом своей новой деятельности посмотреть свежим взглядом на свое произведение. Азаров тогда отметил, что обстановка в кабинете располагала к общению и расслабляла, что, по-видимому, и требовалось от таких помещений.

За домом находился небольшой садик из полутора десятков деревьев и уютный дворик с беседкой. В этой беседке Азаров не однажды саживал с Савельевым по разным поводам. Азаров порой сам мечтал жить вот так же, ближе к земле, но, по крайней мере, пока, такой возможности не имел. По воле судьбы и в силу сложившихся обстоятельств он жил, чуть ли не в самой высокой точке города и это нисколько его не огорчало, особенно когда он видел из окна своей квартиры дивную панораму. Открывающийся при этом вид задвигал на задний план его мечты о жизни в частном доме.

Еще на подъезде к дому Савельева, Азаров обратил внимание, что не видит около него ни одной машины. Это было довольно странно, поскольку у Савельева в это время дня обычно было достаточно посетителей. Пока Азаров осматривал двор, из-за угла дома появился Савельев.

– Наконец-то ты до меня добрался, – радушно раскинув руки и широко улыбаясь, он направился к Азарову. – Что-то, старик, мы с тобой совсем заработались в последнее время – слишком редко стали видеться. Так не годится. Если б ты в ближайшее время не выбрался ко мне, я стал бы отлавливать тебя.

Они обнялись.

– Да, – согласился Азаров, – нужно чаще встречаться. Наша ссылка на занятость имеет некий привкус лени. Ее-то, в первую очередь, и нужно гнать поганой метлой.

– Вот-вот, – поддержал Савельев. – Ну, пойдём в дом?

– Лучше в беседку, – возразил Азаров. – Устал я от помещений, духоты. У тебя здесь, как в раю – тишина, свежий воздух, птички поют. Красота. Да и народу у тебя сегодня, на редкость – нет.

– А я сегодня всем отбой дал. Чтобы никто не отвлекал от общения с тобой. Проходи, располагайся.

– Видать и впрямь соскучился, – поерничал Азаров.

– А то.

Они прошли в беседку, сели около столика. Савельев открыл холодильник, заглянул в него.

– Чем тебя угостить, Руслан?

– Я бы выпил холодного сока.

Савельев достал клубничный сок в графине, разлил его в два стакана. Рядом поставил пиалу с кубиками льда.

– Крепче напитков не предлагаю. Знаю твой принцип – за рулем ни грамма.

– Да, пока стоически его выдерживаю, хотя, порой, иногда так требуется. Но за руль, выпивши, не сяду, а без машины обходиться уже не могу.

– И правильно, здоровее будешь. Ну да ладно. Рассказывай, как идут твои дела.

– Ты, в принципе, в курсе всех моих дел – я тебе по телефону регулярно докладываюсь, – усмехнулся Азаров. – Вот открыли в прошлом месяце в журнале новую рубрику: «Аспект. Человек в обществе». Я веду. Несмотря на сухость и банальность названия, между прочим, очень читаемая рубрика. Потому, что в комплексе освещаем широкий круг вопросов, с которыми сталкивается обычный человек в современной жизни – политика, социология, экономика, религия. Пытаемся давать советы людям, как выжить в наше время.

– Да, брат, скажу тебе, непростая задача – советовать в таких вопросах. Тут, порой, сам теряешься – не знаешь, какой шаг сделал правильно, а где оступился. Хотя, я согласен – дело нужное.

– Конечно, ведь мы пытаемся доказать людям, что можно выжить и в современном обществе, не съедая друг друга, как пауки в банке. Но, мне кажется, наши усилия пока не больно успешны. Огорчает, что мы не первые пытаемся это сделать, но есть надежда, что не последние.

– Как говорится, под лежачий камень вода не течет. Кто-то же должен попытаться сдвинуть эту глыбу – общественное сознание. – Савельев поставил стакан с недопитым соком на стол и задумчиво откинулся в кресле. – Знаешь, Руслан, в чем парадокс человеческой сущности? Человек рождается младенцем с чистой душой, а потом в течение жизни собирает в себя всякую грязь, как шарик-липучка, а когда грязи в нем набирается слишком много, он начинает ее рассеивать вокруг себя и пачкать все окружающее.

Азаров, зная человеколюбивое жизненное кредо Савельева, удивился этому высказыванию, хотя был отчасти согласен с ним.

– Да, но это ведь относится не ко всем, – возразил, улыбнувшись, Азаров. – Мы-то с тобой, к примеру, не такие плохие ребята. А есть же люди и лучше нас.

– Безусловно, – согласился Савельев, подняв руки в знак капитуляции, – это относится далеко не ко всему человечеству. Если бы было наоборот, этот мир был бы обречен.

– У меня сложилось впечатление, что он обречен изначально. Библейские Адам и Ева, созданные Богом чистыми и безгрешными, первыми поддались искушению. Слаб человек по сути своей, но любопытен и влечет его все неведомое, пусть даже и мерзкое. Вот скажи мне, Серега, почему же Господь, создатель мира, позволил дьяволу искушать людей?

– Да, Адам и Ева были первыми из людей и первыми искушенными. Но сам дьявол, именуемый прежде Люцифером, был искушен гордыней раньше их, за что жестоко поплатился. Теперь же искушает сам. А ты не думал над тем, что люди были созданы несовершенными умышленно? В самом слове «совершенный» подразумевается определенное действие – совер-

шенствование. Как же можно совершенствовать что-то, не подвергая его испытанию. Ребенок, родившись, не умеет ходить. Учась этому, набивает шишки и синяки, но приобретает способность ходить, а затем – бегать. Кто настойчиво развивает эту приобретенную способность – становится чемпионом по бегу. А кто довольствуется достигнутым – умением ходить – просто ходит, со временем, порой, все реже. Пока не заработает себе кучу болячек, сопутствующих малой подвижности, озлобляясь на весь мир за сотворенное с собой, между прочим, им же самим. Бог дал человеку право выбора – от малого до самого главного – жить вечно в раю или сгинуть навек. Можно пройти простым путем. Так живут многие – по принципу: зачем мне неосязаемые райские кущи, когда есть вполне реальные земные блага, к которым можно просто дотянуться, пусть при этом, иногда, приходится задавить пару-тройку сородичей. И в борьбе за земные блага обретают свойства животных. Но многие выбирают и более трудный путь – в этом непростом мире сохранить в себе и приумножить человеческое, то есть то, что заложено в человека Богом, и тем самым проложить себе путь к вечной жизни. Это право выбора каждого. Господь ведь дал человеку практически все свои способности, в том числе и создавать себе подобных – рожать детей. Но самое главное – он дал ему право выбирать свое будущее и будущее своих детей. Ребенок – как оттиск от печати – копирует приложенное к нему усилие. Совершая в течение жизни гадости, человек программирует своего ребенка на продление собственной деятельности – сеяние гадости, и, следовательно, обрекает его на собственную участь – лишает вечной жизни. Ведь жить по законам совести сложнее, чем врать, воровать и отбирать, как это делают более примитивные создания – животные.

– Ну, ладно, воровать и отбирать – понятно, но вот уж чего никогда не слышал, так это как животные врут, – усмехнулся Азаров.

– Тогда обрати внимание, как охотится хищник. Он прячется от своей жертвы, чтобы подкрасться поближе. Этим он обманывает жертву, что его рядом нет, чтобы внезапно напасть. Жертва же в свою очередь тоже обманывает хищника, чтобы спастись от него – прячется или маскируется под окружающую обстановку или под более опасных для хищника представителей животного мира. В животном мире выживает сильнейший и хитрейший. Даже внутри стаи единоплеменников действуют законы доминирующей особи, которая пользуется всеми благами только потому, что ее боятся. Люди, выбирающие легкий путь, действуют так же. Жить по инстинктам легче. Но куда ведет этот путь, мы с тобой только что обсудили.

– Да, но многие верующие в Бога тоже боятся сильнейшего в этом мире – самого Бога. Они боятся его гнева, боятся лишиться его милости – вечной жизни в раю.

– Вот, как раз тем, кто боится Бога, нечего делать в раю. Рай – это близость к Богу. Бог – абсолютное Совершенство – не приблизит к себе несовершенство, подобно тому, как источник света не подпускает к себе тьму. Совершенству чуждо состояние страха, потому что страх – это сомнение в своем совершенстве, то есть своей неуязвимости. Тот, кто боится Бога, чувствует, что весьма далек от совершенства, даже от самого пути к совершенству, потому, что не готов к нему. Ему есть чего бояться – самого себя, слабого духом, не умеющего победить свою слабость. Страх перед совершенством не приближает к нему, а заставляет отдаляться. Кто действительно верит в Бога, стремится к нему, то есть, стремится к Совершенству, не боится Бога, потому, что он на пути к нему. Кто искренне верит в Бога и следует его заветам, перестает походить на зверя. К этому его вынуждает процесс продвижения по пути совершенствования. Он становится на одну ступеньку выше над животным миром, а не ассимилируется в нем, тем самым он становится на одну ступеньку ближе к Богу, а значит и к собственному совершенству – к цели, которая ведет в вечную жизнь.

– Совсем в недавнем прошлом нас учили, что цель у человека другая – коммунизм. А религию называли инструментом для манипулирования сознанием и волей масс, – резонно заметил Азаров.

– Да, или опиумом для народа, говоря словами Ленина, ну и Остапа Бендера тоже, – улыбнулся Савельев. – Но коммунизм в идеале – это ведь своеобразная модель земного рая. Может быть, эта модель и была бы реализована, если бы ее воплощали в жизнь другие люди и не содержала она в процессе своего воплощения те же звериные методы. Невозможно построить всеобщее благо на чьем-то горе – слезы обиженных разъедают его фундамент.

– А как же крестоносцы? Они на своих мечях несли по миру веру во Христа. Как ты оцениваешь их методы достижения цели?

– Ну и где они теперь, эти крестоносцы? Крестоносцы – обычные завоеватели, которые под лозунгами распространения веры во Христа, стремились к захвату материальных благ, при этом повсеместно нарушая каноны веры. Поэтому в конечном итоге и потерпели крах. Где бы они ни пытались попутно насадить свою веру, она нигде толком не прижилась. Наивно полагать, что можно насильно заставить человека искренне уверовать во что-то. Можно его уговорить, обмануть, подкупить или хотя бы посулить ему что-то, но искренне верить в насаждаемую веру он не будет. Он будет ждать, надеяться, верить, но, не дождавшись обещанного, отвернется. Ведь кто фактически распространил веру во Христа на Руси? Два тихих брата-проповедника – Кирилл и Мефодий. Они принесли из Византии свою веру, перевели на старославянский язык Библию, ратовали за развитие письменности, образования, положив начало глобальному искоренению всего истинно старославянского, как ныне принято называть, языческого, наследия. Они-то доподлинно знали, что любая религия насаждается постепенно, ее осознание нужно культивировать, а не вдалбливать дубиной.

Азаров, положив ладони рук под голову, задумчиво откинулся в кресле. В очередной раз, слушая Савельева, он удивлялся его перемене после поездки в Тибет. Конечно, каждый человек в течение своей жизни корректирует свои взгляды, убеждения, с учетом прожитых лет и приобретенного опыта, порой значительно. Но не столь же кардинально!

Они вместе с Сергеем воспитывались с детства в духе коммунистической морали, атеизма, социалистической справедливости и законности. Безусловно, в последнее время все эти ценности, так долго и упорно насаждаемые, оказались практически полностью уничтожены.

Хотя, подумалось ему, что, глядя на нынешних «набожных» политиков, еще совсем недавно бывших яркими атеистами, удивляться, собственно говоря, нечему, поскольку непривольно вспоминаются Сергины слова о маскирующихся животных.

Осмысливая их с Савельевым разговор, Азарова вдруг осенила мысль:

«Фактически коммунистическая идеология – та же религия, только роль Бога в ней исполняла партия. Но партия обещала дать человеку все, кроме вечной жизни, потому что, в отличие от Бога, не являлась ее творцом и уверяла, что Бога нет и вечной жизни, соответственно, быть не может. Она поставила цель построить рай, в котором не будет вечной жизни для каждого строителя. А это значит, что нынешние его строители до его воплощения в реальность просто не доживут.

И потерпела крах. Человек не станет создавать рай, в котором лично ему нет места. Поэтому, делая вид, что строит этот самый рай, попутно он будет хватать все, что видит и до чего может дотянуться, стараясь опередить остальных, не обращая внимания ни на какие заповеди и законы. Значит основной стимул для человека в любой религии – его личная вечная жизнь. Мощный стимул, но не все в него верят».

– Я тебя уже совсем достал своей проповедью, – заметив отрешенный вид Азарова, Савельев улыбнулся, отпил сок и тоже откинулся в кресле.

– Как раз напротив, – возразил Азаров, – дал мне обильную пищу для размышлений и, скажу тебе откровенно, весьма полезную.

– Это хорошо. Значит, я не зря старался.

Азаров слегка замялся, но, преодолев сомнения, заговорил:

– Сергей, я тебя никогда не спрашивал, а сам ты особо не стремился рассказывать, но все же. Что такого произошло в Тибете, что, вернувшись оттуда, ты круто изменил не только мировоззрение, но и свою жизнь? Не знай я тебя с детства, решил бы, что ты свихнулся. Но я-то знаю, что это не так и здравомыслие всегда скрывалось за твоими, даже самыми, кажущимися другим несуразными, поступками. Я ведь всегда знал, что ты прав и доведешь любое начатое дело до логического конца.

Савельев нахмурился и Азаров уже было пожалел, что затронул эту тему, посчитав, что она Савельеву неприятна. Однако Савельев внимательно посмотрел на него и уверенно произнес:

– Хорошо, что ты сам завел этот разговор. Я давно собирался тебе рассказать, еще тогда, как только вернулся. Но решил, что ты меня не поймешь и воспримешь мой рассказ как бред, порожденный прежними юношескими фантазиями. Думаю, что пора. Что ж, слушай, а там уж сам решай, как это воспринимать.

Глава 4

Савельев откинулся в кресле, провел ладонью по высокому лбу, короткому ежику волос на голове, словно приводя в порядок свои мысли. Его задумчивый взгляд скользнул по верхушкам деревьев, словно над ними парили видимые только ему картины из его воспоминаний, а голос его начал воспроизводить их:

– То, что я поехал в эту экспедицию, если ты помнишь, было, что ни на есть, совершеннейшей случайностью. Ты, конечно, знаешь, что я давно мечтал побывать в Тибете. Это была моя идея-фикс, поскольку ни мои возможности, ни жизненные обстоятельства этому никак не способствовали. Это сейчас я только удивляться могу, почему, имея мечту, человек не может ее воплотить в реальность. Тем не менее, это произошло спонтанно и что самое поразительное – без малейших усилий с моей стороны. Уже тогда я и начал впервые постигать смысл общепринятого понятия – судьба.

Года за три до того оперировался у меня по поводу перитонита доктор исторических наук из нашего университета – профессор Проханов. Человек широкой души и большого сердца, я бы сказал. Пролезал у меня в отделении больше месяца. За это время мы с ним хорошо познакомились и подружились. Тогда я ему тоже в очередной беседе во время ночного дежурства рассказал о своей мечте. Когда он выписался, мы периодически созванивались, а потом он надолго пропал. Как оказалось, уехал в один из НИИ, в Москву. Так вот, в один прекрасный момент он звонит мне домой и запросто эдак говорит: «Не передумал ли ты съездить в Тибет?» Так он меня огорошил, что я на пару секунд лишился дара речи. Оправившись от шока, говорю ему, что не передумал. Он и продолжил: «Мы готовим этнографическую экспедицию в Тибет. Район сложный, там всякое случается. В такой экспедиции обязательно должен быть хороший, опытный врач. Среди моих знакомых из молодых и крепких медиков лучшие тебя кандидатуры нет. Я, между прочим, заблаговременно своему руководству тебя предложил. – И лукаво добавил. – Вот только решил уточнить, не развеялась ли твоя мечта?». Можешь себе представить, что сотворилось у меня в душе, а что творилось в голове, вообще описанию не подлежит. Я ему ответил, что я, конечно, согласен, но как быть с моим руководством? Кто же меня вот так запросто отпустит? Однако он заверил, что это уже дело техники и эти заботы он берет на себя. К моему удивлению вопрос был решен практически молниеносно. Главврач тогда меня вызвал и долго сокрушался, что на целый год больница лишается такого хорошего хирурга. Давил на психику, надеялся уговорить меня отказаться. Знал бы он тогда, что не на год я ухожу, а, как оказалось, навсегда. Но тогда я и сам об этом не знал. Не знал я тогда, что моя мечта заведет меня куда дальше, чем я себе мог даже представить.

***

Весь путь до Тибета не имел для меня большого значения, хотя и эта часть путешествия принесла немало впечатлений, особенно для меня, человека оседлого и зашоренного обыденностью жизни. Но все эти воспоминания сложились в бесконечную череду перелетов, поездов, проводов и встреч. Хотя среди всей этой суеты, по прибытии в Пекин, и весь дальнейший путь по Китаю, я постоянно находился в состоянии ожидания невозможного. Это состояние было столь навязчивым и неотступным, что казалась мне внезапно свалившимся на меня безумием.

И еще – меня здорово поразили китайцы. Они – удивительный народ, они – как большие дети. В них кроется уйма энергии, огромный жизненный потенциал, особый азарт к жизни. Они постоянно что-то делают, упорно, до самозабвения и при этом безоговорочно верят в

необходимость того, что делают. Ведь мы в былые времена тоже были такими, но как-то незаметно подрастеряли эти способности. Видимо, все-таки, все дело в идеологии. Ведь она либо есть, либо ее нет – промежуточных вариантов не бывает. Нет общей цели – и каждый толчется в своем узком мирке, создавая для себя собственные идеалы и ценности, которые на поверку оказываются обыкновенной суетой. Они же все охвачены и увлечены единой целью, что поистине делает их несокрушимыми.

Всю дорогу по Китаю нас сопровождал один интересный парень – Сунн Лу. Он, видимо, был облачен какими-то особыми полномочиями, поскольку легко решал все возникающие в пути проблемы. Эдакий уверенный в себе живчик – он успевал везде. Но все это продолжалась до Тибета. Чем дальше мы продвигались по Тибетскому нагорью, тем больше терял свою привычную уверенность Сунн Лу. Сама атмосфера Тибета влияла на всех нас, включая Сунн Лу, как наркотик. Только каждый реагировал на него по-своему. Граница Тибета была своего рода мистической гранью между прошлым и будущим, между реальностью и запределом. Время и пространство здесь текли в ином измерении. Каждый из нас это ощущал внутренне, со своим личным, особым ощущением. Я бывал раньше в горах на Кавказе. Там тоже было нечто похожее. Наверное, в горах всегда создается такое впечатление, как будто в них проявляется близость к чему-то высшему. Но в Тибете это ощущение возрастало многократно.

Сунн Лу, без былой уверенности, но достаточно настойчиво, предложил свои услуги в сопровождении нашей группы до деревни одного из тибетских племен. Племя это жило в высокогорье, где-то в Гималаях.

В Янхучу, где мы остановились, прибыл представитель племени, назначенный сопровождать нас. Звали его Тажи Чару. Тогда я его воспринял как-то настороженно. А может, это было просто проявление общепринятого в мире благоговейного интереса к представителю легендарного народа, окруженного неким ореолом древней тайны. Во всяком случае, меня поразила глубина взгляда зеленых глаз Тажи Чару. Они были невероятного жемчужного цвета и, в сравнении с ними, окружающая сочная растительность склонов казалась бесцветной пустыней. Тажи Чару был всегда совершенно спокоен, он никогда не проявлял эмоций, но в каждом его движении, несмотря на внешнюю худобу, ощущалась скрытая сила, которую он никак не мог в себе удержать. Он так и светился силой. Сунн Лу в присутствии Тажи Чару явно чувствовал себя весьма неуютно. Не знаю, где корни всего этого, но я уловил взгляды, которые бросал Тажи Чару на Сунн Лу и понял, какая чудовищная пропасть лежит между этими людьми, которые были каждый представителем своего древнего народа. Это, наверное, больше всего влияло на сознание Сунн Лу. Видимо, слишком велика была разница в образе жизни и, как сейчас говорят, менталитете. Это было не столько противостояние, а, скорее, значительное несоответствие принципов бытия.

То, с какой легкостью Тажи Чару шагал по крутым тропам, лишний раз свидетельствовало о его силе и стойкости. Глядя на него я, считавший себя человеком спортивным и достаточно физически подготовленным, в этом очень быстро разуверился.

Первые двое суток я еще держался достойно, стараясь не отставать от нашего выносового проводника. Одному Богу известно, чего мне это стоило. Остальные члены экспедиции, многие из которых тоже, впрочем, физически неплохо подготовленные, уже на вторые сутки порядком подустали, особенно когда мы вступили в область высокогорья и идти пришлось в густом тумане, где видимость была не далее трех шагов. Привалы становились все более частыми и продолжительными. Вторую ночь я спал как убитый – до того измотала меня дорога. Утром я проснулся совершенно разбитым и вконец измотанным. Остальные чувствовали себя не лучше – это ощущалось по их отрешенным взглядам и вялым движениям. Один Тажи Чару оставался бодрым и совершенно не утружденным проделанным путем. Только чай, больше похожий на травяной отвар, приготовленный Тажи Чару, заметно приободрял нас. Подталкиваемый профессиональным любопытством, я, через Сунн Лу, принялся рас-

спрашивать у Чару рецепт этого целебного чая. Сунн Лу долго переводил мне длиннющий список набора трав, и я махнул рукой, безо всякой надежды запомнить хотя бы половину. Тем более что название большинства из них я слышал впервые. Я решил, что позже обязательно запишу этот рецепт.

После короткого завтрака мы продолжили путь. Но все же это был уже третий день нашего перехода и к полудню мои ноги вновь стали словно ватные, как и утром. Пот из моей кожи уже не выступал, словно закончилась вся жидкость в моем изможденном организме. Наш караван двигался медленно и устало.

К усталости прибавлял свою толику скудный пейзаж. Мы были высоко в горах, где под ногами были только камни, снег и облака. Даже одинокий орел, круживший ранее вблизи нас, скрылся внизу, под облаками. Я еще никогда в жизни не был так высоко в горах и так далеко от цивилизации. На нашем пути не было ни одного населенного пункта и это создавало ощущение бесконечной удаленности от всего остального мира. Порой казалось, что того, другого, густонаселенного и шумного мира не существует. Я не видел никаких признаков тропинки или следов пребывания здесь человека, и только удивлялся, каким образом Тажи Чару умудрялся ориентироваться и выбирать путь для нашего движения. Со стороны горы казались совершенно неприступными. Мы поднимались и опускались по склонам и этот процесс казался бесконечным.

На пятые сутки в пропасть сорвалась наша коренастая лошадка, унося с собой две палатки и кое-какую нужную утварь. Один из членов экспедиции, филолог, долго сокрушался по утрате. Даже попытался убедить нас спуститься за пожитками, но Тажи Чару кратко и убедительно пояснил, что это бесполезно. Во-первых, спуск вниз займет не одни сутки, во-вторых – внизу множество скал и отыскать там что-либо невозможно. Филолог смирился, но поникшая голова и печальные взоры, которые он периодически обращал в сторону злополучной пропасти, свидетельствовали о том, что боль утраты он переживает тяжело. Его, человека, по большей части, кабинетного, утрата палаток, как признака домашнего уюта, угнетала даже больше гибели лошадки. Но на ночном привале Тажи Чару удивил его, как и всех нас, соорудив из штативов, одеял, тентов и прочих тряпок целое бунгало. Больше всех, конечно, доволен был наш несчастный филолог, который суетился вокруг тибетца, стараясь хоть чем-то помочь, пока тот создавал это импровизированное жилище.

Последующие трое суток не принесли нам новых испытаний. Но картина разительно изменилась. Мы шли вдоль гребня горного хребта и дорога была относительно ровной и безопасной. Кроме того, вышло и ярко светило лучезарной улыбкой близкое и родное солнце. Невозможно передать словами то великолепие, которое нас окружало. Заснеженные шапки гор исполинскими куличами вырастали из молочной пены облаков. Снег искрился от солнечных лучей и его отблески больно клевали глаза. От этой напасти защищали только наши очки со светофильтрами, хотя, порой, все-таки тянуло взглянуть невооруженным, живым глазом на эту первозданную красоту...

Девятые сутки пути стали для меня роковыми. Утро этого дня, после очередного ночного привала, встретило нас густым, тяжелым туманом. Путь наш пролегал по небольшому леднику, вдоль склона. Справа от нас сквозь туман мрачно проглядывалась очередная пропасть, я инстинктивно ощущал ее бездонную глубину. Я шел в хвосте нашей экспедиции, мои горные ботинки цепко держались за скользкое покрытие многовекового льда и я особо не переживал за их надежность. Пеленой обволакивала пронзительная тишина, нарушаемая лишь звуками нашего движения и дыхания.

Внезапно до моего слуха донесся глухой гул где-то над головой, словно над нами на огромной скорости несется поезд, затем я услышал злоевищий многоголосый шорох. Я едва успел увидеть, как встревожено смотрит вверх Тажи Чару, и не понимая, что же на самом деле происходит, поднял взгляд вверх по склону. Мне показалось, что туман сверху сгустился,

заклубился и ринулся на меня. Неведомая сила сбила меня с ног, подхватила и, бешено крутя, подбрасывая, ломая, понесла в пропасть.

Не знаю, сколько еще в это круговерти я был в сознании, но после очередного удара головой обо что-то твердое, я его лишился. Мрак овладел моим сознанием, и только микроскопические искры восприятия неведомой мне природы продолжали уверять меня, что я еще жив...

***

Савельев замолчал, и Азаров увидел, как нервно сжались пальцы его рук и напряглись мышцы лица. На левом виске отчетливо пульсировала трепетная жилка, лоб над переносицей прорезала глубокая вертикальная складка. Азаров понял, что Савельев вновь переживал тот момент. Заговорил он так же внезапно, как прежде замолчал:

– Да и был ли я жив тогда, с уверенностью сказать не могу. Никто не мог в тот момент констатировать мою смерть, но, думаю, что какое-то время в этой жизни я не присутствовал. Я не видел никакого тоннеля, в конце которого виден свет. Вокруг меня и в моем сознании была крошечная тьма. И лишь впереди – светящаяся точка. Затем она внезапно обратилась в лучезарный свет, не похожий ни на солнечный, ни на электрический.

Это был Свет собственной персоной. Он был вокруг меня и проникал внутрь меня, словно я был прозрачный и бестелесный. Вдруг я понял, что могу смотреть внутрь себя так же, как я смотрю вокруг себя, но когда я это сделал, то ужаснулся той картине разрушения, которой подвергся мой организм. Ужаснулся я лишь на мгновение и лишь тогда, когда понял, что это МОЙ организм. Я увидел всю ту ужасающую картину нанесенных увечий, которые не раз наблюдал в больнице у своих пациентов. Но то были чужие страдания и я, как врач, мог выстраивать стену между своими эмоциями и необходимостью предпринимать действия, соответствующие моему профессиональному предназначению. Теперь же моему взору представлялось то, что должно было быть причиной моих страданий, и самым ужасным было как раз то, что я все это видел. В следующее мгновение пришло осознание – отсутствуют физические страдания, отсутствует боль, которая непременно должна была сопровождать всю эту удручающую картину. Я всегда твердо знал, что боль при повреждении – неоспоримое свидетельство физической жизни, но боли не было. Глубокое подсознание подсказывало, что видимое мной может быть сном, ведь только в сновидении человек может видеть себя изнутри и только в сновидении не чувствует боли.

В тот момент меня беспокоила более всех остальных одна мысль – если это сон, то, проснувшись, окажусь ли я здоров и невредим, или то, что я вижу в своем сне и есть мое истинное изуродованное состояние, и, вынырнув из этого сновидения, я испытаю немислимую, всепоглощающую боль.

Эти мысли одна за другой протекали в моем сознании, вытесняя друг друга, и лишь одна, классическая, из них прочно держалась в этом потоке – я мыслю, значит – я живу. И лишь единственное физическое ощущение сопровождало мой сон – невероятная легкость.

Внезапно я почувствовал, как теплый, мягкий, нежный, кажущийся совершенно материальным, свет обволакивает меня, проникает в мое сознание, наполняет меня, словно пустующий сосуд, становясь все плотнее и обретая осязаемость. Я осознавал его, как самого себя, он рос во мне и я ощущал его, а значит и свою, все возрастающую, силу. Когда же концентрация его во мне достигла такой степени, что дальнейшее уплотнение казалось невозможным, свет начал источаться из меня, но его поступление в меня не прекратилось. Я словно растворялся в нем.

Вряд ли я могу сказать, как долго по времени длился этот невероятный процесс, поскольку ощущение времени отсутствовало, само время тогда не имело своего значения. Мое сознание находилось в состоянии, когда нет потребности анализировать происходящее, ведь

все происходящее казалось совершенно понятным, потому как являлось необходимым и неизбежным. Комплекс ощущений создавал впечатление, что я оказался в чем-то родном, отождествленном с самим собой. Меня окружало то, в чем я был всегда и чем я был сам.

Потом последовал провал в восприятии каких-либо ощущений. Я знаю, что в этот момент что-то происходило, но память этого не запечатлела. Так бывает после глубокого сновидения – проснувшись, знаешь, что тебе снился чудесный сон, но самого сна вспомнить не можешь.

Сейчас вспоминается только чувство падения: вначале вне пространства, а затем уже в нем. Свет вновь сменился внезапно наступившим мраком.

Затем появилось ощущение тяжести, такое внезапное и настолько осязаемое, что было сродни боли. Постепенно я стал осознавать, что это тяжесть моего тела. Непреодолимая тяжесть! Ни один мускул не подчинялся моему желанию пошевелиться. Я попытался открыть глаза, но и тут тяжесть век не позволила мне этого сделать.

И тогда я закричал – тоскливо, надрывно, обреченно, вкладывая в свой крик весь ужас, порожденный несокрушимым бессилием. Этот крик вырвался из моего горла подобно бурному потоку, прорвавшего плотину. Он колючими иглами проткнул барабанные перепонки, от чего острая боль пронзила все тело.

Мне показалось, что все происходящее уже было со мной, когда-то давным-давно, когда память еще не родилась.

В сознании с немислимой скоростью завертелся яркий, многоцветный kaleidoscope осколков едва узнаваемых образов, знакомых событий, сложить которые воедино оно отказывалось. Кружащийся хоровод все более ускорялся, смешивая яркие краски до тех пор, пока они не превратились в крошечную черноту.

Неожиданно тяжесть век значительно уменьшилась, и они начали постепенно подниматься. Окружающий меня полумрак чуть кольнул глаза присутствующим в нем слабым светом. Взгляд уперся в шероховатую поверхность, заскользил по ней вниз и остановился на языках пламени, метавишихся в нескольких шагах справа от меня. Слух уловил слабое потрескивание – это был знакомый звук костра. Я начал воспринимать окружающую действительность и инстинктивно попытался восстановить последние, оставшиеся в памяти, события. Но последними воспоминаниями были нарастающий гул и последовавший за ним сокрушительный удар неведомой, огромной, непреодолимой, холодной силы. Затем падение в пропасть и ... забытье. Рассудок никак не мог ассоциировать ни с чем эту ужасную, уничтожающую, безжалостную силу, поскольку был не готов к ее восприятию.

Я вновь осторожно осмотрелся. Шероховатая поверхность, которую я увидел, впервые открыв глаза, оказалась сводом грота. В центре грота находился выложенный из неотесанных камней очаг, в котором веселыми языками играл огонь. Далее за костром чернело жерло выхода из грота, усеянное яркими мерцающими точками. Это было звездное небо, и звезды в нем были ясные и близкие.

Внезапно каждым нервом своим я почувствовал чье-то присутствие. Повернув голову налево, в глубине грота я увидел старика, облаченного в странное, просторное белое одеяние. Длинные, редкие волосы на голове и такая же длинная, реденькая бородка были совершенно белыми. Он сидел на плоской каменной плите, подогнув под себя ноги. Взгляд его азиатских глаз был устремлен вверх меня, в направлении выхода из грота, в звездное небо. В черных зрачках его отражалась пляска огоньков костра. Он едва заметно покачивался, издавая какие-то монотонные вибрирующие звуки.

Я приподнялся со своего ложа, которое также представляло собой каменную плиту, покрытую толстым войлоком. Осмотрев свое одеяние, я был несколько обескуражен. На мне было просторное одеяние красного цвета, состоящее из рубашки и шаровар плотной мягкой ткани, на ногах одеты мягкие, теплые кожаные тапочки. «Как я здесь оказался? – проблеск

первой разумной мысли все же поставил в тупик мое пробуждающееся сознание». И тогда сознание выбросило ворох воспоминаний, казавшихся теперь бесконечно далекими – экспедиция в Тибет, изнурительная дорога в горах и падение в пропасть.

Конечно же! Меня сбросило в пропасть снежной лавиной! Я же сотни раз в своей жизни слышал об этой напасти, знал в теории ее ужасную силу, но примерить ее к своему Я мне никогда не приходило в голову. Даже в страшном сне я никогда не мог представить себя в ее ледяных объятиях, поэтому и не был готов к столкновению с ней, а, испытав на себе ее сокрушительную мощь, не смог ассоциировать ни с чем мне известным. Да, я был сметен снежной лавиной в пропасть, но остался жив! Это казалось невероятным, или, по крайней мере, маловероятным. Но это было в действительности. Но тогда где же остальные члены экспедиции? Мне не хотелось верить, что кто-нибудь из этих людей, с которыми я уже успел сблизиться, пострадал, а тем более погиб. Эта тревожная мысль рывком подняла меня с моего ложа. Резкая боль пронзила все тело, уткнулась в мозг, выталкивая из горла произвольный стон.

– Ты еще не настолько окреп, чтобы, как и прежде, использовать свое тело, – я обернулся и увидел, что старик смотрит на меня. На губах его играла теплая улыбка.

– Кто вы? – спросил я и был поражен произнесенным мной. Мы разговаривали на неизвестном прежде мне языке, но самым поразительным было то, что на нем разговаривал я!

– Тебе предстоит еще многому удивляться в этой жизни, – загадочная добрая улыбка озарила невероятно светлое лицо старика. – Меня зовут Чань Чунь Цзы. Ты находишься в моем доме.

Странно, но мне показалось, что старик разговаривает со мной, не открывая рта. Я много слышал о телепатии, но не больно-то верил в эти сказки. Я вспомнил о чревоушателях и вначале решил, что, скорее всего, именно этот фокус использовал старик. Но зачем?

В костре громко затрещали угли, и я лишь на мгновение отвлекся. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что старик сидит у костра. Я мог поклясться, что не сводил со старика глаз, пока с ним «разговаривал», и он не вставал со своего места. Я растерянно оглянулся на пустую каменную плиту в глубине грота, где раньше восседал старик и убедился, что старик в одно мгновение чудесным образом переместился на три десятка шагов.

– Что это за фокусы?.., – начал было я и оторопело осекся, потому что мой рассудок самостоятельно повторил слова старика: «Тебе предстоит еще многому удивляться в этой жизни». Но теперь в них появился какой-то новый смысл, взбудораживший мое заскорузлое сознание.

Мысли мои спутались замысловатым клубком – мало того, что за считанные минуты этот старик дважды огорошил меня, но и я сам себя поразил внезапным знанием неведомого мне языка. Все это показалось мне безумством, чертовщиной какой-то. Разум пытался, но не мог переварить невозможное. Я хотел все это высказать старику, но встретил его добродушную улыбку:

– Осторожно вставай и подходи к очагу. Будем пить чай. Только не торопись – твое тело отвыкло от привычных движений. Но у тебя сильный дух, ты справишься.

Под ободряющим взглядом старика, словно замороженный, я осторожно поднялся на ноги и сделал первый шаг. Ощущение было такое, что делаю это впервые в жизни. Видимо, я слишком поторопился, потому что покачнулся на слабых ногах всем корпусом и, потеряв равновесие, резко сел на прежнее место. Все тело вновь пронзила острая боль.

– Ты справишься, – с той же добродушной улыбкой повторил старик. – Не торопись. Порой время требует медленного течения. Это как раз тот случай.

Вторая попытка закончилась тем же... Лишь с третьей попытки я начал медленное движение вперед. Полтора десятка шагов оказались для меня серьезным испытанием. Но я, действительно, справился с ним. Подойдя к очагу, я осторожно присел на расстеленный вой-

лок, машинально подвернув ноги на восточный манер, как будто таким образом я сидел неоднократно. Это тоже меня озадачило, поскольку никогда прежде я так не садился. Однако и это я попытался себе объяснить, решив, что по-другому сесть на пол просто невозможно. Моя наивность в восприятии неведомого даже мне показалась настолько немыслимой, что, как казалось, граничила с безумием. Старик, по-видимому, всей душой был расположен к созданию взаимопонимания между нами.

– Вы можете мне хоть что-нибудь объяснить? – выдавил я, раздражаясь его простодушием и своим полным неприятием того, что для меня квалифицировалось как необъяснимое. Старик, все с той же добродушной улыбкой, взглянул на меня:

– Что именно ты хочешь узнать?

– Для начала хотелось бы узнать – как я здесь оказался? И где мои спутники?

Старик налил из старинного глиняного чайника в такие же глиняные чашки темного чая и протянул одну мне.

– Пей, чай придаст силы твоему телу. Тогда и дух твой окрепнет. Наступит гармония духа и тела, – старик, словно подавая пример, поднес чашку к губам и сделал глоток.

Я также поднес чашку и ощутил насыщенный аромат трав. Только сейчас до меня дошло, что я невероятно голоден. Сделав глоток, я почувствовал, как томно разливается по телу горячая волна наслаждения.

Посмотрев на старика, я увидел, что он удовлетворенно кивнул.

– Теперь я могу рассказать то, что тебя интересует, – он сделал глоток и продолжил. – Лавина сбросила тебя в пропасть. Большие в пропасти никого не было – значит твои спутники живы. Я нашел тебя и перенес сюда. Лавина практически уничтожила твое тело. Но твой сильный дух исцелил тело.

То, что остальные члены экспедиции остались живы меня порадовало. Остальное – полный бред, подумал я, подозрительно окинув взглядом сухую, тщедушную фигуру старика. Как он мог нести мои восемьдесят с приличным хвостиком килограмм? Но другого объяснения того, что сейчас я нахожусь в этом гроте, у меня не было. И что это за абсурд об исцелении тела собственным духом? Это было для меня дополнительным доказательством, что старик не в себе. Решив, что спорить с таким безумцем бесполезно, я продолжил:

– И как долго я здесь нахожусь? – задав этот вопрос, я попытался сориентироваться хотя бы во временных рамках.

– В привычном тебе исчислении семнадцать месяцев. – Видимо, мое изумление так явственно было выражено на лице, что старик понимающе закивал. – Время там течет несколько иначе.

– Где это «там»? – произнес я и напрягся всем своим существом, ожидая вновь услышать что-нибудь невообразимое.

И услышал.

– В нирване, – так же невозмутимо ответил старик.

Я прекрасно знал это слово, чуть ли ни с детства, и именно оно окончательно повергло меня в смятение. Мой разум не был готов к восприятию такого рода информации, хотя бы потому, что это было явным сумасбродством. Чтобы понять безумца, нужно быть таковым. Я же доселе считал себя здравомыслящим человеком.

– Ты был в нирване, – бесстрастно повторил старик, – помнить ты этого, конечно, не можешь, но знать об этом должен. Поэтому я тебе и говорю – ты там был все это время. Поэтому и не заметил бремени неумолимого времени.

На это мне нечего было ответить, поскольку я окончательно решил, что старик в самом деле безнадежно безумен. Если это не так, тогда безумен я, раз сижу с ним в горном гроте, пью чай и при этом говорю о за пределами невероятных вещах на древнекитайском языке.

Мое смятение старику было, видимо, понятно, поскольку он, снисходительно взирая на меня, продолжил:

– Я уже говорил, что тебе предстоит еще многому удивляться в этой жизни. Было время, когда я тоже удивлялся простому и это было прекрасное время. Я и сейчас не утратил способность удивляться, но теперь удивляют меня вещи совершенно другого порядка.

– А именно?

– К примеру – почему люди отрицают очевидное, считая это очевидное невозможным, при этом, верят в заведомо неочевидное и ложное, считая его абсолютно бесспорным и верным.

Я успел утихомирить вскипавшее в моей душе негодование, которое было вызвано непониманием и потому неприятием всего мною виденного и слышанного за последнее время, и только стремление понять происходящее позволило мне спокойно, и даже с некоторой долей сарказма, продолжить разговор:

– А во что верите вы? – вопрос для меня был не праздный, поскольку меня действительно заинтересовало, что же из себя представляет этот странный старик, который, совершенно не прилагая усилий, ломает мое мировоззрение. Я ведь должен был выяснить для себя, кто из нас является здравомыслящим, а кто безумцем. – Судя по вашему наряду и упоминанию нирваны – вы буддист или индуист? Или вы изобрели свою религию?

Я немного устыдился своей бестактности, хотя и вызвана она была нашим врожденным неприятием недоступного нашему разуму. Но тут же я вновь убедился в том, что имею дело с неординарной, совершенно необыкновенной личностью, потому что, посмотрев ему в глаза, я не увидел ни тени обиды, раздражения. – только понимание и терпение. Взирая в его необыкновенной глубины глаза, я вдруг внезапно ощутил, как в меня перетекает целомудренное спокойствие. В этих глазах отразилось величие многовековой мудрости.

Старик неторопливо заговорил:

– Во что я верую? Я верую в Истину. А вероисповедание, о котором ты спрашиваешь, – лишь путь к Истине. Вера нужна, как звезды в небе. Все это лишь ориентиры, чтобы не сбиться с пути, следуя к Истине. Да, я был буддистом, когда искал путь к Истине, и благодаря вере, шел верным путем. Теперь я постиг Истину и свободен от религий, поскольку моя вера привела меня к Истине.

– Как я понимаю, вы говорите об истине, как о смысле жизни. И вы хотите сказать, что следуя вашей буддистской вере, можно постичь смысл жизни, то есть Истину? – я вновь ощутил невольный сарказм, просквозивший в моем вопросе. Но старик даже бровью не повел.

Он безмятежно продолжил:

– Любая религия, преисполненная веры в добро, любовь к ближнему, а, следовательно и к Всевышнему – является верным направлением по пути к Истине. Исполнив свою судьбу, ориентируясь на эти три столпа мироздания, ты постигнешь Истину. Ибо постигший свое назначение в жизни – великий человек, а сумевший его исполнить – гений.

– Хорошо, – не сдавался я. – Веру в добро и любовь к ближнему исповедуют практически все религии мира. Но вот Всевышний, или Бог, в каждой религии свой. Который из них ведет к Истине?

– Всевышний и есть Истина. Он един во Вселенной, каким именем его не назови. Имя – это лишь сочетание символов, характерных для определенного языка, на котором излагается та или иная религия. Всевышний же воспринимает не столько эти символы, сколько вибрации души, направленные к нему. Обращаясь к Всевышнему, человек произносит молитву, которая является особой формулой, несущей в себе определенный заряд. Но молитва на любом языке и обращенное к любому из имен Всевышнего ничего не значит, если душой человека не вложен в нее определенный заряд. Поскольку этот заряженный сигнал и доходит до Всевышнего. При этом вероятность того, что он не достигнет адресата, равняется абсолютному нулю.

Говорил это старик так просто, как о чем-то само собой разумеющемся, После его слов мой недавний сарказм показался мне дремучим невежеством. Меня, беспросветного атеиста и материалиста, внезапно пронзила поразительная вера в его бесхитростные слова. Ведь я и сам не раз думал о единстве вселенского порядка и в тяжёлые минуты, не задумываясь, подспудно, не раз обращался к Богу, не вкладывая веры в свое обращение. Лишь теперь я понимаю, почему Бог меня не слышал.

«Не поминай Бога всуе», – всплыло из далекого детства строгое наставление бабушки, укоряющей моего деда за бездумное применение им выражений типа: «Да господи ты боже ж мой». Дед мой был атеистом и бога поминал лишь по привычке, для выражения эмоций. Теперь же я с ужасом представляю, в каком безобразно искаженном виде эта формула доходила до адресата.

***

Шли дни. В каждый из них старик что-то рассказывал, а я впитывал его слова, словно иссохший корень, истосковавшийся по живительной влаге. Каждая капля этой влаги заполняла во мне существовавшие прежде пустоты.

Он говорил о простых и в то же время совершенно немислимых вещах. Казалось, что все это я, да и каждый человек, прежде знал всегда, или, по крайней мере, думал об этом, но считал фантастичным и невозможным. Однако малейшее преломление угла воззрения на то или иное понятие, превращает сундук в стройную и непоколебимую теорию.

Слушая старика, я все больше осознавал, что, прожив три с лишним десятка лет, так и не понял самого главного – своего предназначения. Мало того – я никогда всерьез об этом не задумывался, а, следовательно, и не мог понять его. Мне вдруг стало ясно, что собственно этого знания своего предназначения мне все время и не хватало. Именно поэтому я метался в агонии днем и ночью. Я изнемогал от неведения самого главного в своей жизни, но не знал, что же меня так мучительно тревожит.

В один из вечеров я и задал старику свой главный вопрос – о своем предназначении. Старик в первый раз пристально посмотрел мне в глаза, словно пытаясь прочесть в них что-то только ему зримое.

– Для этого я и пришел к тебе, – ответил, наконец, он. – Я должен тебе сказать – ты будешь исцелять.

Я опешил:

– Конечно! Я же врач. Я ведь лечу людей.

– Разумеется, но это в прошлом. Отныне ты будешь исцелять людей, – невозмутимо произнес старик.

– Разве это не одно и то же? – я удивленно посмотрел на старика, пытаясь прочесть в его глазах какой-нибудь подвох, но его лицо было непроницаемым, а взгляд отрешенным.

Не дав мне опомниться, он вынул что-то из складок своей одежды и протянул мне. Я увидел на его раскрытой ладони крошечную и мертвую, как мне показалось, птичку.

– Вы всегда при себе носите мертвых животных? – поморщился я от неожиданности.

– Возьми ее, – сказал вместо ответа старик.

– Зачем? – удивился я.

– Чтобы понять то, о чем мы говорим.

Я нехотя протянул руку и старик переложил в нее птичку. Она была совершенно холодной и безжизненной. Я смотрел на нее и во мне росло и поднималось неопишное, всепоглощающее ощущение жалости к этому крошечному созданию, безжизненность и неподвижность которого представлялись сущей нелепостью. Совершенно неподотчетно для себя я накрыл птичку ладонью левой руки, поднес руки к груди. Что-то происходило внутри меня. Что-то такое, чего я не испытывал прежде. Волны неизвестной мне природы, нежные и теплые,

покатились по всему телу, направляясь к рукам. Внезапно я ощутил между ладоней вначале тепло, а затем легкое движение. Я вздрогнул от неожиданности и раскрыл ладони. Птичка, прежде безжизненно лежавшая на моей ладони, встрепенулась, настороженно покрутила крохотной головкой, блеснула темными бусинками глаз и внезапно вспорхнула. Описав в воздухе круг по гроту, она вылетела из него и растворилась в небесном просторе. Я же, пораженный, так и сидел, застыв в нелепой позе с распахнутыми ладонями. Очнувшись, я опустил руки и в изумлении взглянул на старика, увидев на его лице удовлетворенную улыбку.

– Да, ты будешь исцелять людей, – произнес он тоном человека, констатирующего неопровержимый факт.

– Людей? – переспросил я. – Мне показалась, что это была птица.

– Безусловно, это была маленькая птичка. Начинать нужно всегда с малого. Вначале нужно удивиться простому, прежде чем понять сложное. Ведь даже исцеление тобой маленькой мертвой птички так глубоко поразило тебя.

– Она действительно была мертвой? Я что – могу оживлять мертвых?

– Грань между жизнью и смертью призрачна. Порой между ними узкая тропинка, а порой – непреодолимая бездна. Сегодня ты преодолел эту грань данной тебе силой воли и победил смерть. Но это не значит, что ты всегда сможешь ее побеждать. Просто в случае с птичкой пропасть не была непреодолимой.

– Неужели силой воли можно влиять на окружающий мир? Ведь это же мистика!

– А что такое мистика?

– Мистика – это все, что противостоит естественному.

– Для того, чтобы считать, что-то естественным, необходимо знать, что является естественным. А это уже вопрос восприятия окружающего мира.

– Что это значит?

Вместо ответа Чань Чунь Цзы поднял с земли два камешка и положил их передо мной.

– Что это? – спросил он.

– Камешки, – уверенно ответил я.

– Убедись в этом.

Я недоверчиво взял камешки в руку и ощутил их холодную шероховатую поверхность. Покрутив их, я постучал ими друг об друга, услышав глухой стук и положил обратно.

– Убедился? – спросил старик.

– Да. Обыкновенные камешки.

– Хорошо, смотри.

Он провел руками над камешками. Один камешек дрогнул и внезапно начал растекаться, словно тающая льдинка, быстро превратившись в лужицу. Второй громко хрустнул и мгновенно превратился в кучку песка.

В изумлении я протянул руку к лужице и убедился, что это обыкновенная вода. Все еще не веря своим глазам, я взял щепотку песка, оказавшуюся на месте второго камня и медленно высыпал его на прежнее место. Это было ни что иное, как обыкновенный кварцевый песок.

– Невероятно, – единственное, что смог я пролепетать.

Старик вновь провел руками над лужицей и кучкой песка. Они, словно в прокрученной назад кинолентке постепенно обрели прежний вид камешков.

Я схватил их и как ненормальный стал давить и сжимать в пальцах. Но они были все теми же холодными и твердыми камешками, что и до виденного мной эксперимента.

– Но это же невозможно, – я был ошеломлен и не мог поверить увиденному. – Признайтесь – это был гипноз. Вы повлияли на мое сознание, а камни все время оставались камнями.

– Ты же сам видел и трогал воду и песок и слышал треск лопающегося камня. Ты не веришь своим глазам, ты не веришь своим рукам и ты не веришь своим ушам? Как же ты еще можешь воспринимать окружающий тебя мир? Для тебя естественным является то, что

камень является камнем. Я же тебе показал, что привычное восприятие мира зависит от воли восприятия. На самом деле то, что сделал я, ничтожно примитивно в сравнении с тем, что сделал ты. Я преобразовал мертвое в мертвое, ты же превратил мертвое в живое. Это ли ни есть противоестественно? Ты ведь меня не гипнотизировал, проделывая это? Но это ты оживил птицу, а не я.

Старик поднялся, и как ни в чем не бывало, направился к очагу.

– Ложись спать. На сегодня для тебя достаточно, – сказал он, словно завершая этот сумасшедший для моего миропонимания день.

***

Изо дня в день он рассказывал мне обо всем, что, как он говорил, должен был мне рассказать. Я задавал, как мне теперь кажется, совершенно глупые вопросы, а он терпеливо и невозмутимо отвечал на них. И стал он мне настолько близок, что, казалось, знал я его всю жизнь, а может быть и дольше.

Я совершил 108 кор – ритуальных обходов вокруг тибетской святыни – горы Кайлас. Чань Чунь Цзы посвятил меня в группу священных текстов терхой – ати-йога. Он ненавязчиво опекал меня все это время, давая ценные советы, многие из которых прежде мне показались бы, мягко говоря, странными.

А потом он внезапно исчез.

Как раз после той ночи, когда мне приснился очередной фантастичный сон. Нужно сказать, что все время пребывания в пещере мне постоянно снились фантастичные сны. Но этот сон я запомнил и выделил из всех остальных.

В детстве мне часто снился сон, что брожу я в темном дремучем лесу. Меня окружают сухие, корявые, исполинские деревья с голыми, безжизненными ветвями. Мне страшно и одиноко в нем, потому что я не знаю, как в него попал и как из него выйти. И вдруг, когда от отчаяния я уже был близок к панике, откуда-то появляется и садится мне на плечо бело-снежный голубь. Он воркует и от его голоса, от самого его присутствия, мне становится удивительно спокойно. Он слетает с моего плеча и, перелетая с ветки на ветку, манит меня за собой. Вот среди ветвей уже начинают проблескивать тонкие лучики света. Там должен, как кажется мне, быть выход из этого чужого и страшного леса. Но внезапно между голубем и мной появляется огромный волк. Он скалит желтые зубы и его глаза злобно горят зелеными огоньками. Ужас охватывает меня и заставляет забыть о голубе и спасительном свете. Я опрометью бросаюсь обратно в чащу, хотя совершенно не представляю, чем она может мне помочь. Я слышу за своей спиной хруст валежника, злобное рычание и догоняющую меня мысль, что бегство мое напрасно и бессмысленно. В это момент я всегда просыпался и в оцепенении лежал, боясь закрыть глаза и оказаться вновь в этом кошмаре.

Так вот сон, который приснился мне в пещере, был продолжением моего детского кошмара. Начинался он так же, но я уже не был маленьким мальчиком и уже не так сильно боялся волка. Когда он вновь внезапно появился, как в моем детском сне, я вдруг понял, что оскал его зубов предназначен не мне, что волк не собирается нападать на меня, наоборот, он защищает меня от кого-то. Пристальнее присмотревшись к голубю, я увидел, что в глазах его светятся холодные, злые синие огоньки и у него оказались зеленые чешуйчатые лапки с хищно загнутыми острыми когтями. Волк зарычал и бросился на него. Взметнулась листва и истлевший валежник, белые перья полетели в воздухе, и я с изумлением увидел небывалую метаморфозу – белый голубь неожиданно превратился в огнедышащего дракона, яростно отбивающегося от волка. Я стоял не шелохнувшись, наблюдая за этой потрясающей битвой. Осмотревшись, я увидел, что свет, пробивавшийся на окраине леса, заматался пугливыми тенями, растворился и обратился в крошечную тьму. Огнедышащий дракон, терзаемый волком, взревел в предсмертной агонии и распался, расплываясь в стороны клубками шипящих

змей. Волк, завершивший свою невероятную битву, подошел ко мне и посмотрел мне прямо в глаза. Глаза его мне показались знакомыми. Что-то далекое и родное отразилось в их лиловой глубине. Волк поманил меня в лес, труся впереди, периодически останавливаясь, ожидая меня. Лес же начал преображаться. Сухие мрачные деревья вытянулись, и неожиданно покрылись и зашелестели зелеными кронами. Лес был наполнен ярким солнечным светом и разноголосым хором птиц. В душе моей воцарились спокойствие и радость, потому что лес стал для меня родным и знакомым и я уже не стремился выбраться из него. Мне незачем было покидать этот прекрасный лес, потому что этот лес и был моей жизнью.

Утром я проснулся с ощущением небывалого физического здоровья и благостного восприятия мира. Никогда еще, с момента своего рождения, я не чувствовал в себе такой легкости и силы, готовности ко всему, что бы ни преподнесла мне старушка судьба.

Она же не преминула незамедлительно преподнести мне очередной сюрприз.

Первое, что поразило меня, так это то, что я оказался одет в ту же самую одежду, что была на мне в злополучный день падения в пропасть. Та же куртка с капюшоном, те же утепленные шаровары и те же горные ботинки, которыми я прежде так гордился. Окинув взглядом грот, я был невероятно озадачен – в нем не было ни единого признака чьего-либо присутствия, не считая меня самого. Не было ни Чань Чунь Цзы, ни войлоков на камнях-лежаках. Все предметы обихода и посуда, которой мы пользовались – все загадочным образом исчезло. Даже очаг, прежде озаренный живым огнем, был холоден и пуст. Заглянув в него, я не нашел в нем даже золы.

Легкий холодок оторопи змейкой скользнул где-то внутри. Догадки, одна невероятнее другой, наперегонки промчались по блуждающему сознанию. «Неужели мне все это приснилось?» – выскочила суетливо вперед очередная, тут же показавшаяся сама себе безрассудной, догадка. В это невозможно было поверить, хотя бы потому, что я всегда знал четкую грань между сном и явью. Как бы ни явственны были прежние сны, я всегда отделял их от реальности и не допускал мысли об их слиянии. Догадка о параллельных реальностях пришла сама собой.

Ничем иным объяснить происходящее я не мог. Чань Чунь Цзы просто испарился, словно его никогда и не было. В таком случае, вопрос о том как я оказался в этом гроте и сколько времени я здесь нахожусь, оставался открытым.

Так и не найдя четкого ответа на свои вопросы, я поднялся и направился к выходу из грота. На шершавом каменной полу, у выхода, я увидел высеченную древними письменами, изрядно затертую веками и множеством ног, надпись:

«Иди вперед, познавая Истину, ибо движение вспять прискорбно».

Я вышел из грота и зашагал прочь. Настала пора возвращаться в реальный мир.

Глава 5

Азаров заворожено слушал рассказ Савельева. Рассказ его впрямь казался сказочным. Но при всей фантастичности излагаемых им событий, Азаров ни на йоту не сомневался, что все это было реальностью. Просто он привык к тому, что Савельев все же всегда был здравомыслящим человеком.

Савельев, между тем, продолжал:

– Выйдя из грота, вначале я шел неосознанно, как говорится, куда глаза глядят. Лишь спустя некоторое время я начал понимать, что движение мое целенаправленно и имеет вполне реальную цель, хотя и руководило им подсознание.

Я шел домой.

Путь мой пролегал по крутым горным склонам, выстланным нетронутыми многовековыми снегами, в заоблачных высотах, где не было, казалось, ничего живого все те века, пока здесь лежал этот снег. Меня неотступно преследовало чувство, что этот путь преодолевался мной прежде, хотя я наверняка знал, что прохожу его впервые.

Шел я на удивление легко, совершенно не сравнимо с тем, как трудно мне давался путь при следовании с экспедицией. Теперь я не испытывал трудностей, преодолевая подъемы по крутым склонам. Двигался я легко, казалось без каких-либо усилий. Так легко шел впереди экспедиции Тажи Чару, чем восхищал всех нас. Теперь я сам был так же легок и счастлив от осознания этого.

Солнце озаряло мой путь, однако кроме него я ощущал еще чье-то незримое присутствие. Я его чувствовал, но знал, что оно нематериально. Иногда мне казалось, что это Чань Чунь Цзы неотступно следует за мной. По крайней мере, то, что мне так легко давались горные тропы, я должен быть благодарен ему – именно он дал мне хорошую практику в этом.

К исходу дня, преодолевая очередной перевал, я увидел ниже по склону, на обширном выступе-площадке, некое каменное сооружение, представлявшее собой семь циклически расположенных строений в виде колец. Кольца соединялись каменным строением в виде креста. Сверху все это сооружение казалось причудливым каменным кружесом. Центр сооружения венчала четырехгранная пирамида с площадкой на вершине, схожая с теми, что строили в своих древних городах майя. Сооружение было явно необитаемым, лишь на площадке пирамиды я заметил какое-то движение. Присмотревшись внимательней, я убедился, что не ошибся – на площадке, подобрав под себя ноги, сидели люди в серых просторных одеяниях. Они сидели неподвижно, обратив лица в центр образованного ими круга. Руки их производили какие-то едва различимые манипуляции над круглым камнем, находящемся в центре круга. В наступивших сумерках, в своих пепельных одеяниях они казались нематериальными вместе с этим странным каменным кружесом. Меня же словно магнитом тянуло к этому каменному сооружению, и в этой тяге ощущалась особая мощная энергетика. То ли камни имели какой-то особый заряд, то ли само это место. А может, и сами люди имели какую-то причастность к этой энергетике.

Словно в подтверждение моих предположений, над сидящими медленно образовалось полупрозрачное облако, которое сгущилось. Оно начало вращаться, вначале едва заметно, затем все быстрее. Сидевшие одновременно и очень медленно начали подниматься вверх. Паря в воздухе, они поднимались все выше, пока не скрылись в бешено вращающемся облаке. Облако засветилось изнутри ослепительным светом, словно в нем засияло маленькое солнце. Затем вращение его замедлилось, и облако постепенно рассеялось. Вместе с ним растворились и странные люди в серых одеяниях.

После общения с Чань Чунь Цзы мне были известны многие вещи, которые в прежние времена являлись для меня странными. И мое сознание практически адаптировалось к чудесам, но дыхание от внезапного исчезновения людей все же перехватывало – не каждый день приходится видеть, как взлетают, а затем бесследно исчезают люди.

В большей степени из любопытства, я направился к каменному сооружению. Проходя между древних строений, я ощутил дыхание времени. Но, не смотря на то, что люди, судя по всему, очень давно покинули это сооружение, камни хранили память о них. Камни действительно были заряжены энергией, я буквально ощущал ее. Поднявшись по истертым каменным ступеням пирамиды на площадку, с которой чудесным образом исчезли люди, я осмотрел ее. За исключением камня, в виде диска с отверстием в середине, лежавшего в центре, площадка была совершенно пуста. В полумраке я заметил, что камень испещрен замысловатыми знаками. Несомненно, что камень был каким-то ритуальным атрибутом, и, очевидно, был непосредственным участником виденного мной исчезновения группы людей с площадки пирамиды.

Солнце за это время окончательно закатилось за горы и лишь слабое розоватое свечение на небосклоне определяло место заката.

Я присел на каменное покрытие площадки, оперишись спиной на шероховатый парапет.

Таинственный ритуальный камень продолжал излучать тепло, и это тепло создавало определенный уют в этих древних руинах. Сколько событий, скольких людей за свою многовековую историю помнят эти камни – искрой промелькнуло в голове. Ветер зашуршал меж камней, перемежаясь звуками разной тональности, и мне показалось, будто кто-то невидимый зашептал мне на ухо едва различимую молитву. Я отпрянул от камня и звук, так похожий на молитву, неспешно растворился в остывающем пространстве. В сгущающихся сумерках, я попытался рассмотреть камень – нанесенные на нем символы неожиданно оказались достаточно знакомыми. Сознание вдруг стало туманиться, и в тот самый миг мне стало совершенно ясно значение этих символов. Тело лишилось привычной силы, мои мышцы обмякли, и голова бессильно поникла на загадочный камень. В ушах вновь зазвучала невнятная молитва, со временем звуки ее стали более различимыми, пока я не стал различать ее обрывки:

«Всемогущий Архидиакон!.. Славы полно имя Твое... Славы полны деянья Твои... Милостью Своей не оставь детей Своих... Во исполнение замысла Твоего, дети Твои преодолевают тропы Твои, неся Свет Твой, неся имя Твое...»

Непрестанно крутившееся в сознании, почти несбыточное желание скорее оказаться дома, увидеть близких, друзей, вдруг показалось таким простым и легко выполнимым.

Высоко над головой брызнул звездопад, я взмыл в его эпицентр и, растворяясь в нем, понесся наперегонки со сверкающими звездами в неведомую даль...

Пришел в себя я вблизи станицы Новотроицкой. Одному Богу известно, как я там оказался. Вряд ли я смогу тебе это однозначно объяснить даже сейчас, спустя нескольких лет. Дальше ты сам все знаешь.

Савельев откинулся в кресле и улыбнулся:

– Вот так, Руслан, обычно и происходит, если обращаешься за помощью к другу-доктору. Приходишь к нему со своими проблемами, а он тебя грузит своими. Это расплата за дружбу.

Внезапно лицо его стало серьезным. Он пристально посмотрел Азарову в глаза каким-то странным взглядом, который окончательно убедил того, что Савельев стал другим. Не хуже, не лучше – просто другим. Пронзительный, совершенно материальный взгляд, проникал внутрь мозга и прощупывал его. От этого Азарову вдруг стало жарко. Затем это ощущение медленно отступило.

– Тебе незачем бояться своих снов. Бояться вообще – бессмысленно. Скоро ты это поймешь. Наши сны – это знаки, данные нам для прочтения. Сон сугубо индивидуален – твой сон предназначен исключительно тебе. Никогда и никому до срока не рассказывай о своих снах,

чтобы никто случайно не вмешался в твою судьбу. – Савельев на мгновение замолчал, а затем хитро улыбнулся. – А здоровье у тебя отменное, так что не переживай. И вот что еще – брось в тихушку покуривать, не обманывай сам себя. Бросил – значит бросил.

Покидая дом Савельева, Азарова вдруг осенило – он ведь ничего не сказал Савельеву о проблеме, с которой к нему приехал. Между тем Савельев ответил на его незадаанный вопрос. Дело осталось за малым – понять, что значат его слова. Как бы то ни было, Савельев тем самым вновь подтвердил неординарность приобретенных им способностей. Впрочем, после возвращения из той затянувшейся поездки, он часто удивлял Азарова своими странностями. Просто теперь ему становилось понятнее их происхождение. И они перестали его настораживать, что, видимо, вполне объяснимо – человека пугает неизвестность, знание же вселяет уверенность.

Одно он мог сказать с уверенностью – Савельев все так же оставался его лучшим другом. И это было важнее всего того нового, что Азаров узнал о нем.

Глава 6

Атмосфера в кабинете депутата законодательного собрания Ростовской области, председателя фонда «Возрождение и процветание России», Игоря Леонидовича Миронца, была напряженной. Под угрозой срыва были планы о назначении его протеже, руководителя департамента земельной политики, Хромова Василия Ивановича, на пост губернатора Ростовской области. Он давно был знаком с Хромовым и успел прибрать его к рукам. Хромов был жаден и амбициозен, что полностью соответствовало предъявляемым к нему со стороны Миронца требованиям.

По всем прогнозам действующий губернатор Семен Егорович Черкасов должен был уйти на заслуженный отдых. Черкасов был, как говорится, от сохи – корнями из ростовской глубинки, где родился, вырос и прошел в советский период сложный путь от помощника комбайнера до председателя райисполкома. Он был человеком открытым и бесхитростным, но при этом решительным и настойчивым. Работал добросовестно и честно, борясь с любыми проявлениями коррупции и бюрократии, как говорится с открытым забралом. Поэтому был далеко не всем удобен. Миронец искренне считал, что с такими жизненными принципами удерживаться в современном политическом водовороте делать нечего. Хотя знал, что в Москве у Черкасова была некая поддержка, да и в области у него было немало сторонников.

Миронец прекрасно знал расклад «игры»: четверо из семи продвигаемых кандидатов на этот пост не имели ни малейших шансов, еще двое могли с ним потягаться, поскольку представляли интересы определенных деловых кругов в столице, но в конечном итоге, тоже не составляли Миронцу серьезной конкуренции. Его поддержка была куда надежнее.

И вот теперь, когда вопрос назначения его кандидата был практически решен, что-то в этом механизме дало сбой, и прежний губернатор решил остаться на должности.

Но Миронец был опытным воротилой и кроме всего прочего имел надежную поддержку не только в высших эшелонах власти родной державы. На прошлой неделе он вернулся из Амстердама после встречи со своим идейным вдохновителем и тайным покровителем Клодом де Люком.

В целом, Миронец не так много знал о де Люке, как ему этого хотелось бы. Клод де Люк был фигурой таинственной. Он относился к тем серым кардиналам, которые не светились в обществе, лично не лезли в политику, но имели на нее значительное влияние. Эта личность вызывала у Миронца благоговейный страх и у него даже мысли не возникало, чтобы поинтересоваться, чем же конкретно занимается де Люк, в какой сфере размещаются его деловые интересы, каковы истинные источники и размеры его состояния. Но то, что уже очень давно Россия находилась в сфере его пристального внимания, лично у Миронца сомнений не вызывало. Внешне все это выглядело вполне оправданно и закономерно, особенно в последние десятилетия. Любой деловой человек в мире, с тем или иным интересом, пылливо взирал на руины огромной страны после развала империи – всех прельщали ее несметные богатства, которые буквально лежали под ногами. И даже когда она начала медленно возрождаться, интерес к ней не угас, а напротив – возрос. Поэтому официально интерес де Люка к России в принципе казался объяснимым и закономерным. Но это официально.

Как считал сам Миронец, этот интерес был куда глубже и выходил далеко за рамки социально-экономические. Никто не знал истинной личности Клода де Люка, кроме особо доверенных лиц, да и те имели о нем представление лишь в пределах, которые устанавливал сам де Люк. Посвященными же были члены всемирной тайной организации с интригующим названием «Лига бессмертных», главой которой и являлся Клод де Люк. Поначалу название организации показалось Миронцу каким-то напыщенным, снобистским. Со временем он все же

решил, что слово «бессмертные» имеет тайное, ключевое и не лишенное истинного смысла значение. Он также считал, что де Люк был одним из немногих, если не единственным, кто доподлинно знал действительное назначение и цели этой темной, глубоко законспирированной и одновременно мощной и широко разветвленной организации. Миронец об этом особо не задумывался, поскольку его, как и прочих ее членов, вполне удовлетворяли предоставляемые ею возможности материального и психологического плана. В нее попадали люди особого склада – амбициозные, самоуверенные, с авантюристским складом и неутолимой жадой власти и сопутствующим ей благам, и готовые ради этого пойти на все.

Миронец был горд тем, что входил в ее структуры. Особые брепет вызывало в нем то, что конспирация в «Лиге» была доведена практически до совершенства и развита настолько, что истинных масштабов и структуры ее не знали даже руководители ее отдельных ветвей. Никто из них не знал, какой уровень значимости в структуре организации он занимает. Многие одиозные личности считали себя равными с Клодом де Люком. Они заблуждались, ибо именно это их заблуждение и свидетельствовало об их ничтожном положении. Каждый руководитель знал лишь свою цепочку связей и ее задачи. Общее руководство и взаимодействие осуществлял де Люк лично через своих Преторов, когорту странных типов, имевших статус «обращенных». Однако Миронец доподлинно знал одно – де Люку известно все о всех членах организации, даже то, чего знать невозможно. Как это ему удавалось, не ведал никто.

Миронец уже успел убедиться в том, что «Лига» глубоко пронизала все мировые структуры власти, как то политика, экономика, религия и т.д. и т.п., и посредством их двигалась к своей главной цели – к мировому господству в материальном и духовном мире. Тонко вплетаясь во все сферы жизни человечества, она органично развивалась, как раковая опухоль, легко подстраиваясь под любые условия, дабы впоследствии эти условия и комбинировать по собственному усмотрению. «Лига» не признавала различий в вероисповедании, расе и политических убеждениях, для нее не существовало государств и границ, поскольку эти атрибуты мирового порядка всецело зависели от ее деятельности.

Сам де Люк поведал ему, что история «Лиги» уходит корнями к истокам становления человечества как общественной формации и продолжает развиваться, поглощая все новых и новых членов. Большинство из них даже и не подозревает о том, что находятся в ее цепких сетях. Время от времени она создавала и создает всевозможные секты, братства, ордены, ложи, комитеты и прочие тайные, полуполициальные, и легальные организации. Все они предназначались всегда лишь для достижения какой-то отдельной цели. Затем, когда надобность в них отпадала, так же легко их ликвидировала. Миронец втайне подозревал, что де Люк и был ее изначальным создателем и вечным руководителем, хотя пока сам де Люк об этом не рапространялся.

Миронец уже четверть века был активным членом «Лиги бессмертных». Вначале он считал, что попал в поле ее зрения совершенно случайно и лишь гораздо позже понял, что в «Лиге» ничего не происходит случайно. В «Лиге» все тщательно планировалось, как говорится, на века вперед. И его приход в «Лигу» был не случайным. Он был человеком гибкого мышления и потому, пройдя суровую школу жизни, анализировал ее определенные этапы и повсюду находил следы присутствия «Лиги».

Как ему казалось, она вела его по жизни от самого рождения, формируя характер, ставя жизненные цели, направляя его и наблюдая за его продвижением. Это она не позволяла проникнуть в его душу отвергаемым ею человеческим «слабостям» – доброте, состраданию, благородству, совести, всему тому, что в «Лиге» считалось мягкотелостью, то есть, изъяном в развитии сильной личности. Именно «Лига» через своих «посвященных» днем и ночью внушала ему эти убеждения и, ведя по жизни, подтверждала на практике их незыблемость.

В конце восьмидесятых годов двадцатого столетия, когда и Миронец ощутил себя единым целым с «Лигой бессмертных», он воочию убедился в ее неограниченной силе. И он нашел себя в ней. «Лига» вырастила достойного члена. Опираясь на привитые ему качества, Миро-

нец продвигался по жизни уверенно и успешно. Не смотря на то, что в школе он не отличался особыми успехами и потому не рассчитывал поступить в высшие учебные заведения, он все же нашел путь для продвижения по жизни.

Пройдя службу в армии от солдата до генерала, он необычайно развил те способности, зерна которых были посеяны в нем с детства. Шел он вперед, что называется, по трупам, не оглядываясь назад и не сожалея о содеянном. На его благо, в тот период в Советском Союзе, а затем и в России (впрочем, как и во всем мире), постоянно возникали разнообразные военные конфликты, которые создавали благодатную обстановку для проявления его способностей. Он не задумываясь, молниеносно и самозабвенно исполнял порой самые безумные приказы старших руководителей, а позже и сам отдавал подобные приказы, не считаясь с любыми людскими жертвами, которые они неизбежно влекли за собой. Он даже умудрился удостоиться звания Героя России.

В процессе службы Миронец, однако, не забывал и о материальной стороне жизни. Путем мудреных авантур и махинаций, пользуясь служебным положением, он сумел сколотить немалый капитал, вначале тайный, а затем и легализованный, и как водится в таких случаях – оформленный на родственников. Еще служа в армии, он умело ввинтился и обустроился в кругах гражданских воротил.

Все складывалось для него как нельзя лучше, пока не произошла неожиданная осечка. Миронец так и не понял, откуда дунул ураган, сорвавший и выбросивший его с насиженного генеральского кресла в отставку. Это было для него тяжелым ударом. Но прежнее воспитание причисляло его к тому типу существ, которые от полученных ударов только крепчают и закусывают удила для дальнейшего рывка вперед.

И он рванул в новую жизнь. Используя финансовую поддержку своего негласного покровителя – де Люка, с которым познакомился лично в период службы в армии, построил свои схемы добычи денег и запустил щупальца в политику.

Теперь его прежние способности, прошедшие армейские горнила, пришлись как нигде кстати, тем более, что необходимые связи и деньги для этого у него уже были. К тому же он всегда чувствовал за спиной надежную опору в лице «Лиги». Уж она не позволит бездарно пропасть своему верному слуге с его недюжинными талантами.

Вот и сейчас Миронец, после очередного отпуска, вернулся из Амстердама, куда Клод де Люк вызывал его на встречу для проведения очередного инструктажа, окрыленным оказанной поддержкой и возможными перспективами.

Теперь дело было за ним, но вновь мешали мелкие нестыковки. Куда-то запропастился журналист, которому он должен заказать разгромную статью с липовым компроматом на Черкасова и это бесило импульсивного Миронца. Времени было мало, нужно было срочно действовать.

– Где этот писака? – рычал Миронец на своего помощника, Болотова. – Мне нужен этот чертов журналист. Мне срочно нужна информационная бомба в этом долбанном популярном журнале. Времени нет! Разгони их чертовой бабушке!

Болотов по натуре был флегматиком и в противовес суете, создаваемой Миронцом, все делал размеренно и спокойно. Миронца его спокойствие порой раздражало, но он все же признавал, что это его качество несло больше пользы, чем вреда, и он умело его использовал.

– Завтра в десять утра журналист будет у вас, – ответил Болотов, сосредоточенно перекладывая бумаги в папку. – Материал подготовлен первоклассный. Пресса, да и народ, любит сенсации, тем более подтвержденные «солидными источниками» и «неопровержимыми доказательствами». Они ухватятся за нее, как голодный пес за свежую кость. Приложив к такому материалу немного таланта, а в таланте Азарова я ни грамма не сомневаюсь, и его имидж чест-

ного и бескомпромиссного журналиста, мы получим ту бомбу, о которой вы говорите. Главное убедить его в искренности и благородности нашей цели. Всему свое время.

– Ладно, – нехотя согласился Миронец. Он сам себя заводил, настраиваясь на кипучую деятельность и останавливался всегда с неохотой, сожалея, что приходится тормозить на полном ходу. – Что у нас с деньгами?

– Пока все нормально. Хотя Пинчуков, наш магнат местного масштаба, свои обязательства не выполнил. Обещал в благодарность за решение вопроса о выделении ему земельных угодий перечислить в наш фонд пятнадцать миллионов, а перечислил – десять.

– Пора напомнить этому скряге о долгах. Отправь к нему Шуляка. Пора нашему начальнику ЧОПа потряхнуть стариной. Я уверен он сумеет убедить Пинчукова, что он не прав.

– Понял.

– Что у нас еще?

– Встреча с электоратом. Сегодня в одиннадцать.

– Да-да, помню, – поморщился Миронец.

Не любил он этих встреч с народными массами. Может просто потому, что вообще ненавидел людей.

Глава 7

В крошечно-фиолетовом небе, сумрачно мерцающая, плыли мириады звезд. Их парад находился в постоянном движении, меняя цвет, размеры, яркость, но, никогда не нарушая расположения. Строй их был непоколебим, и эта закономерность казалась незыблемой. В действительности это только казалось.

Для Калибуса это был и родной и одновременно чужой мир. Он вернулся в него спустя сотни миллионов лет, все это время, и боясь, и желая увидеть его вновь. Неисчислимо множество его собратьев возвращались в этот мир по-разному, кто – бесконечно возрождаясь, кто – как он, единожды снизойдя, действовали в материальных или тонких планах этого многогранного мира.

Ввиду экстренности миссии, Калибусу пришлось снизойти непосредственно в материальный мир без обычного для миссии цикла возрождения. Это создавало определенные трудности для ее выполнения. В материальном мире повсюду рыскали демоны и он вынужден был скрывать присутствие в этом мире своей тонкой сущности. Проникнув в тонкие планы Земли, он должен был найти готовую физическую форму в материальном мире, объединиться с ней, и с ее помощью отыскать Ковчег и его Хранителя, чтобы спасти их обоих. Это было непросто – связь с ними была практически утрачена, сигналы были настолько слабы, что определить их местоположение было невозможно.

В течение трех дней он выполнил первую задачу. Отыскав архата Исмаила, он предстал перед ним и посвятил его в замысел миссии. Исмаил оказался подготовленным архатом и легко разделил с Калибусом физическое тело для совместного исполнения миссии, став носителем его сущности.

Калибус готовился к миссии в материальном мире с момента вознесения из замкнутого Внутреннего Мира в обширный Внешний Мир. Миллионы раз он представлял себе возвращение на Землю. Он знал, что она уже не та, привычная, родная, которая сохранилась в его памяти. Он наблюдал ее рождение, развитие, перерождения, катаклизмы. Он видел многократное возрождение на ней Ангелов Зодиака. Он наблюдал их закономерное скитание в поисках высшей Истины.

Он знал все и был готов ко всему, возвращаясь на Землю.

Не был он готов лишь к одному, к чему привыкнуть невозможно – к обыкновенной, закономерной для материального мира, одновременно обыденной и непостижимой для человеческого разума физической смерти. Совершенно забыл о ней и Калибус.

По этой причине, найдя согласие с духом Исмаила, Калибус не учел возраста его физического тела. Между тем, Исмаилу шел семьдесят второй год. Ресурс его тела был исчерпан и приближался срок его вознесения. Но Исмаил желал непременно участвовать в выполнении миссии и в конце своего земного пути был готов оказать Калибусу любую посильную помощь. Кроме всего прочего Калибус знал, что молодые, а значит и более крепкие телом архаты, оказываются слабее духом.

Так же, как знал он и то, что немало было прежде, да и доселе предостаточно тех, кто желал завладеть Ковчегом. Поскольку многие знали о его существовании и его невероятной силе. Но лишь немногие из них знали о предназначении Ковчеха. Это знал Калибус.

Это была его задача, и задача его усложнялась комплексом условностей.

Ковчег находился в Сибирских Горах, под охраной древнего клана Хранителей Ковчеха и сейчас их с Исмаилом путь лежал на Алтай. Калибусу в физической форме Исмаила необходимо было оказаться как можно ближе к стану Хранителей Ковчеха, чтобы он мог покинуть физическую форму и незамеченным проникнуть в стан. Контакт с Хранителями Ковчеха почти

пропал и нужно было торопиться оказаться в зоне досягаемости, пока сигнал был еще уловим. Оттуда и следовало начинать поиски.

Перемещаться с Исмаилом через тонкие планы было рискованно – его слабый организм мог не выдержать нагрузки. А без Исмаила он не смог бы действовать в материальных планах, поскольку могла возникнуть необходимость переместить Ковчег, для чего требовалось физическое тело.

Поэтому они были вынуждены следовать земными путями. Они воспользовались поездом, но и этот путь отнял у Исмаила много сил – сказывался возраст. Тогда Калибус впервые понял, что взвалил на Исмаила непосильную ношу. Но отступить было поздно – поиски нового проводника в материальном мире могло занять время, а оно для Калибуса как раз было ограниченным. Чувствуя физические страдания Исмаила, он высказал ему свои опасения, что тот может не выдержать выпавших на его долю испытаний.

– Я выполню до конца свое предназначение, – сказал Исмаил. – Я всю жизнь ждал этого и, конечно же, ни на миг не задумался бы над тем, стоит ли оно того. Сожалею лишь об одном – что эта миссия не наступила раньше, когда я был молод и крепок телом. Но и в этом есть свое противоречие – когда я был молод, дух мой не был столь крепок, как тело, и тогда я не был бы готов встретиться с тобой.

– Тогда бы мы и не могли встретиться, – ответил Калибус. – Этот мир создан на противоречиях, и изменить установленный порядок – значит уничтожить его.

Исмаил вышел проветриться в тамбур. Было глубоко за полночь и за окном, вдали, мелькали редкие огоньки. Только звезды, непрерывно мерцаая, светили невозмутимо отрешенно. Мерный перестук колес отсчитывал километры их долгого пути.

Калибус все еще привыкал к физическим параметрам материального мира. Более всего его поражало давно позабытое им взаимодействие времени и пространства, именуемое скоростью – материальный мир словно стоял на месте. Преодолевать в нем пространства занимало немислимо продолжительное для него время.

Но, вместе с тем, пребывание в физическом теле давало особые ощущения. Он мог чувствовать! Он ощущал холодный ветер, теплые лучи солнца, различал запахи цветов и приближающейся грозы, вкус сладкого абрикоса и обжигающую горечь острого перца. И сковывающую тяжесть тела. Все это он ЧУВСТВОВАЛ! Как и ту боль, которую испытывал Исмаил от последствий ран и болезней, перенесенных им на протяжении жизни. То была его, Исмаила, жизнь, его раны и его тело. Но Калибус ощущал их как свои. И эта чужая боль тоже напоминала ему о собственной земной жизни.

Когда-то и он жил в физическом теле, хотя их тела имели существенные отличия от нынешних. Он был из рода Титанов и их могучие тела позволяли им многое из того, что современные люди не могут себе даже представить.

Но все эти ощущения, испытываемые им в теле Исмаила, напомнили ему те переживания, которые он испытывал в своем теле. Тогда он и представить себе не мог, что может быть как-то по-другому и как можно жить вне физического тела.

Но сейчас его больше беспокоило другое чувство, порожденное симбиозом его знания, ограниченного физическим мировосприятием. Предчувствие надвигающейся беды терзало Калибуса, и со временем оно усиливалось. Находясь в физическом теле, он никак не мог уловить источник, порождающий это чувство, но его сущность ощущала надвигающуюся опасность. Ему трудно было распознавать волны, которые излучала эта опасность – физическое тело надежно защищало его сущность от излишних посторонних вибраций, словно рыцарские доспехи от неприятельских стрел. Но его тонкая сущность даже в такой защите улавливала беспокойное излучение. Сущность Калибуса всецело была сосредоточена на исполнении миссии, все остальное было им блокировано, следовательно, опасность угрожала исполнению мис-

сии. Его беспокойство росло с каждой минутой. Выход был один – временно покинуть физическое тело, отделить свою сущность от сущности Исмаила и переместиться в тонкие планы для ясного восприятия окружающего мира.

Дверь открылась и в тамбур ввалились два здоровенных, изрядно подвыпивших парня. Их раскрасневшиеся лица отражали жажду безудержного веселья, а в хмельных глазах наглухо застыла беспросветная скука. Коротко стриженные затылки лоснились от пота, в уголке рта рыжего, с крупными веснушками, здоровяка торчала надломленная сигарета. Его мутноватый взгляд проскользил по тамбуру и зацепился за Исмаила:

– О, Петруха, гляди – лицо кавказской национальности. Слышь, нигде от них продыху нет. Ну куда ни плюнь – везде они. Эй, ты кто? Какого хрена забрался в сердце нашей родины, а? Слышь, че говорю? Молчит зараза. Петруха, я не понял, че он молчит?

– Да он плюет на нас, Федя. Они же все нас, русских, за людей не считают, подхватил Петруха – здоровяк с широченной грудью, на которой сиротливо, как-то совершенно неприютно, болтался массивный золотой крест. – Они нас, русских, за свиней держат, понял, Федя? Фу ты, ты ж хохол. Ну да, они нас, этих, славян, за свиней держат.

– Ни фиги себе! Может, пойдем, умоем его в сортире. Глядишь, побелей станет, а, Петруха? – с этими словами Федя, со вполне определенными намерениями, направился к Исмаилу.

Исмаил, все это время безучастно смотревший в кромешную темень за окном вагона, медленно повернулся к подошедшему и уже протянувшего к нему руку здоровяку, посмотрел ему прямо в глаза и ... улыбнулся.

– Ты знаешь, чего ты хочешь, сынок? – спросил Исмаил, наблюдая, как постепенно изменялось лицо здоровяка. – Мама Зоя испекла твой любимый пирог с грибами и ждет тебя ко дню рождения. Ты ведь хочешь к маме?

Лицо парня моментально смягчилось и приняло детское выражение, сеть морщинок на лбу растворилась, и в глазах блеснули крохотные радостные искорки.

– Я хочу к маме, – произнес он совсем по-детски. – Она меня давно ждет.

– Иди спать, Федя, – участливым тоном промолвил Исмаил. – Скоро ты увидишь маму.

– Да, я пойду спать. Я увижу маму. Спокойной ночи, – он повернулся и вышел из тамбура.

Петруха еще с минуту оторопело, разинув рот, смотрел вслед товарищу, затем, спохватившись, так и не сообразив, что же с ним только что произошло, испуганно глядя на Исмаила, боком проскользнул в дверь.

Исмаил закрыл за ним дверь тамбура и откинулся к стене, потирая виски.

– Что ты с ним сделал, Калибус? – спросил Исмаил. – Ведь это ты сделал.

– Нет ничего страшнее, чем заглядывать в собственную душу, когда в ней темно. Я просто дал ему возможность заглянуть в собственную душу, – ответил Калибус. – Всего на мгновение. Его сущность светла, но на ней много темных пятен. Он их увидел. Теперь дело за ним. Правда, пришлось потратить на это часть твоей энергии. Ты чувствуешь слабость?

– Да, я словно только что взобрался на высокую гору.

– Как ты близок к истине, – согласился Калибус. – Это твое восхождение. Оно дается нелегко. Тебе нужно отдохнуть. А мне необходимо ненадолго покинуть тебя. Я должен кое-что выяснить.

– Ты чувствуешь опасность?

– Мы оба ее чувствуем. Что-то неладное происходит в стане Хранителей Ковчега. Глава клана Хранителей призывает меня. Я чувствую вибрации его сущности, направленные ко мне. Они тревожны. Тебе необходимо прилечь. Мой исход займет у тебя много энергии, поэтому тебе необходим полный покой.

Исмаил прошел в купе и лег на свое место. Чувство усталости тяжким бременем навалилось на его слабеющее тело. В пустом темном купе он был один, и только они оба знали, что их здесь двое.

Метроном колес отстукивал километры пути, приближая их к заветной цели, но это приближение сулило новые испытания.

Демоны миллионы лет охотятся за Ковчегом. Они, как и Ангелы, знают истинные его возможности. Им нужна власть над материальным миром, дабы сотворить его по усмотрению Люцифера.

Калибус должен был выполнить свою миссию. И это он должен был сделать раньше, чем демоны доберутся до Ковчега.

Он вновь услышал призыв главы клана Хранителей Ковчега – тревожный, протяжный, словно звон колокола.

Глава 8

Азаров торопился на встречу с депутатом Миронцом. На этот раз опаздывать было нельзя – этого ему главный уже не простил бы ни за что. Уровень предстоящей задачи был достаточно высок.

Торопиться Азарову приходилось, поскольку пробка, в которую он угодил на Большой Садовой двадцать минут назад, далеко отбросила его от намеченной цели. Учитывая узость ростовских улиц и неудачный комплекс дорожных развязок, Азаров обычно набрасывал время на дорогу, но на этот раз он все равно прогадал и оказался в состоянии цейтнота.

Оставалось пару кварталов, но движение вновь застопорилось и его возобновление не сулило радужных перспектив. Азаров, не долго думая, вырулил вправо и заехал на тротуар. Он понимал, что грубо нарушает правила парковки машины в этом месте, но иного выхода у него не было. Выйдя из машины, он на ходу включил сигнализацию, но, не услышав привычного сигнала о включении, остановился. Теперь не было никаких сомнений, что неприятности на сегодняшний день не собирались с ним расставаться. Однако времени размышлять и сокрушаться по этому поводу у него не было. Махнув досадно рукой, он отправился в офис Миронца.

Офис находился в постройке 30-х годов двадцатого века – массивном сером здании, с прежней суровостью нависающем над улицей. Его высокие арочные окна отражали городскую суету, храня за собой атмосферу, ради которой и было когда-то построено это сооружение.

Внутри здания перед взором Азарова предстала широкая гранитно-мраморная лестница, которая медленно поднималась вверх, величественно, словно два массивных крыла, раскинув в стороны два длинных просторных коридора. Старая постройка после ряда реконструкций разительно изменила свою внутреннюю отделку с преобладающими бело-золотыми тонами. Здесь правил бал евростандарт.

Азаров бывал здесь в те, не такие уж далекие времена, когда в этом здании заседал один из многих бюрократических аппаратов. Теперь здесь заседали другие аппаратчики, но атмосфера безжалостной бюрократической машины, не приемлющей ничего человеческого, претерпев незначительные изменения, продолжала окутывать все окружающее. Изменив форму, прежняя суть процветала.

На входе его остановил розовощекий, стриженный ежиком здоровяк с «бейджиком» «Охрана» на лацкане пиджака. Лицо, без каких-либо признаков интеллекта, не выражало также и никаких эмоций. Проверив журналистское удостоверение и чиркнув что-то в журнале, он открыл электронный турникет.

«А когда-то место этого киборга занимал старичок-вахтер, – отметил про себя Азаров, поднимаясь по лестнице. – От кого должна защищать местных обитателей эта «машина»?».

Свернув в правый коридор, Азаров нашел нужный кабинет.

Приемная Миронца оказалась просторной комнатой. Азаров не увидел привычной для такого рода заведений секретарши. Ее место занимала почти точная копия охранника, встретившего его на входе.

«Киборг номер два» окинул его цепким профессиональным взглядом. Что-то было в этом взгляде собачье, церберское. Азарову даже показалось, что секретарь потянул носом воздух, как заправский сторожевой пес. Наверное, действительно, показалось.

– Вы журналист? – неожиданно тенорком, так не вязавшимся с внушительным обликом, флегматично протянул охранник, и, не дожидаясь ответа, нажал на клавишу передающего устройства. – Игорь Леонидович, к вам пресса.

– Давай, – донеслось из динамика.

Секретарь поднялся – роста он оказался огромного, не меньше двух метров – и двинулся к двери кабинета. Услужливо открыв дверь и склонив голову, он застыл.

Азаров прошел в кабинет и остановился у порога, чтобы осмотреться. Кабинет был просторный, с высокими потолками, в духе все той же ушедшей эпохи, но и здесь царил холодное евростандартное сочетание пластика и металла. Посреди кабинета стоял длинный черный стол, завершающийся полукруглым столом, за которым сидел Миронец. Мебель дорогая. Флаги, портреты, кожаные кресла – сочетание пафоса и официоза. Худощавый, коротко стриженный, с благородной сединой, пепельными, опущенными ниже уголков губ, усами, Миронец выглядел намного моложе своих шестидесяти с хвостиком лет. Его пронзительный, с прищуром, взгляд буравил Азарова так, словно пытался проникнуть в самую душу. Это длилось лишь мгновение, но Азарову оно показалось вечностью. Тяжелым был взгляд у этого Миронца.

– Проходите, присаживайтесь, господин Азаров, – пригласил Миронец, указывая на место за длинным черным столом вблизи себя. – Невзирая на то, что вы не очень торопились на встречу со мной, я терпеливо ждал вас. А знаете почему? Потому, что вас считают лучшим журналистом в городе.

Азаров уже имел достаточный опыт общения с начальством различного ранга и занял указанное место.

– Это все же спорно, – Азаров не стал чересчур рьяно оспаривать высказанное Миронцом мнение, считая, что излишняя скромность с такими людьми может быть ими расценена, как слабость. А слабым рядом с ними быть опасно. К тому же сам он считал себя, все же, не худшим в своем ремесле.

– Ну, да ладно, – продолжил Миронец. – Как бы вы там ни считали, нам необходима ваша помощь. Хочу сразу заметить – нужно это не мне. Концентрирую на этом ваше внимание. Конечно, я определенным образом тоже заинтересован в этом деле и не собираюсь, как видите, это скрывать. И все же основная сила, руководящая мной – желание защитить и отстаивать интересы жителей нашей области. Мы оба люди общественные, если можно так сказать, и не можем, скажу больше – не имеем права, оставаться в стороне, когда возникает необходимость вмешаться в решение судеб множества людей. Вы согласны с этим?

– Безусловно, – ответил Азаров, оценивая пафос предисловия.

Впрочем, ему было известно, что все политики в аргументации своей деятельности всегда делали упор на общественные интересы, независимо от истинной цели их чаяний.

– Так вот, в данный момент жители нашей области и города нуждаются в нашей с вами помощи. У меня есть информация, содержание которой может повлиять на ход событий в жизни многих людей. Не хочу давать вам никаких установок. Изучив материал, вы вольны сделать с ним все что угодно, даже выбросить в корзину. Но я уверен – как человек с высоким уровнем ответственности, вы подойдете к этому вопросу должным образом. Все вопросы взаимодействия можете решать в любое время с моим помощником.

Миронец взглядом указал куда-то за спину Азарова. Обернувшись, Азаров с некоторым изумлением обнаружил, что они в кабинете не одни. В углу комнаты он обнаружил высокого молодого человека в строгом черном костюме.

«Откуда он взялся? – разглядывая помощника депутата, Азаров ощутил неприятный холодок в районе затылка. – Когда я сюда входил, в кабинете точно никого не было, кроме Миронца. И дверь тут же закрыли за моей спиной. Не помощник – Копперфильд какой-то».

– Болотов, – коротко представился помощник и учтиво склонил голову.

– Не стану задерживать ваше время, – Миронец поднялся и протянул Азарову руку. – По-моему я довольно ясно изложил свою мысль. Я выполнил свою миссию и теперь дело за вами. До свидания, желаю успехов.

Азаров пожал протянутую руку и ощутил холодное и тяжелое рукопожатие. Он словно прикоснулся к могильной плите. Миронец на прощание улыбнулся, но Азаров подумал, что лучше бы он этого не делал. Улыбка депутата исказила лицо, обнажив редкие острые зубы, и больше походила на звериный оскал.

– До свидания, – ответил Азаров и в сопровождении Болотова покинул кабинет.

Оказавшись за его пределами, он ощутил явное облегчение, словно вырвался из цепких щупалец спрута. Но его тут же накрыла волна усталости. Какая-то тяжелая энергетика исходила от Миронца.

«Энергетический вампир в чистом виде, – заключил без колебаний Азаров, хотя прежде ни в вампиров, ни в другую нечисть не верил. – И пусть попробует кто-нибудь меня в этом разубедить. Вовремя закончилась наша встреча, а то произошел бы со мной какой-нибудь конфуз вроде падения в обморок. Все хорошо, что хорошо кончается».

Болотов сопровождал его до выхода и остановился у турникета.

– Вот материал, – протянул он пластиковую папку. – Изучите его, а если у вас возникнут вопросы – звоните. Я готов оказать вам любую помощь в этом деле. Вот вам мой телефон.

Он протянул Азарову черную пластиковую визитку с тесненными золотистыми надписями.

– Вы не боитесь вот так открыто передавать компромат журналисту? Ведь даже школьнику понятно, что в этой папке не автобиография вашего босса, – Азаров изучающее наблюдал реакцию Болотова.

Тот поправил дорогие очки в тонкой оправе, снисходительно посмотрел на Азарова и невозмутимо произнес:

– Нам некого бояться, тем более что для этого нет ровным счетом никаких причин. Мы никогда не скрывали своих взглядов. К тому же мы всегда действуем в интересах наших избирателей, как бы кто иначе об этом не думал. Если бы мы хотели что-либо скрыть, мы бы вас сюда не пригласили, а нашли бы более подходящее для подобных встреч место. Наша открытая встреча в офисе лишний раз доказывает, что мы ведем открытую игру.

Если бы Азаров не был многоопытным журналистом, повывавшим в свое жизни немало всяких деятелей в разнообразных областях, эта речь возымела на него воздействие. Но он лишь оценил ту самоуверенность, с которой действовала эта команда. Безусловно, их методы были продуманы и оправданы. Если предположить, в самом безумном варианте, что журналист вдруг возьмет и пойдет наперекор установленному сценарию, или сделает какую-то непредвиденную ошибку, они в любом случае остаются ни при чем. Ведь даже действуя откровенно нечестоплотно, они сохраняют свою относительную непричастность. Идея-то внешне кристально чиста, а истинность цели ее весьма сомнительна.

«Как трудно должно быть пловцу в бассейне с акулой», – мелькнула почему-то неожиданная мысль.

Азаров подошел к незапертой машине, на всякий случай осмотрел салон и убедился в отсутствии постороннего вмешательства.

Трогаясь с парковки, он остановил взгляд на брошенной им на соседнее сиденье пластиковой папке.

«Однозначно – крамола, – подумал он. – Чистейшей воды. Что ж, господин журналист, теперь, похоже, у вас начинаются настоящие проблемы».

Глава 9

Отец Алексей шел по коридору больницы в сопровождении главного врача Петра Сергеевича Кулешова, удручающе поглядывая на обшарпанные стены, пожелтевшие, обсыпавшиеся потолки.

Кулешов, уловив этот взгляд, печально улыбнулся:

– Это еще не худший вариант. В соседнем районе обвалился потолок в хирургии, между прочим – во время операции. Благо все произошло при наложении последнего шва. Хирург закрыл собой пациента. Вот еще раз вам скажу нашу старую истину – в России всегда и везде есть место подвигу.

– Все это глубоко прискорбно, Петр Сергеевич, – отец Алексей нахмурил брови. – В таких условиях невыносимо лечить людей. Говорил я об этом с главой администрации, с Сиротиним. Обещал помочь с ремонтом, когда в школе ремонт закончат.

– Дай-то бог, батюшка, дай-то бог. Хоть с вашей помощью что-то сдвинется. У нас, конечно, потолки пока, слава богу, не падают, но штукатурка уже сыплется, словно снег. Перед людьми, откровенно говоря, стыдно. Благо народ у нас не привередливый, терпеливый. Особенно в реанимации. Тем более что там у нас всего один пациент, тот, вчерашний. Однако, скажу вам, батюшка, экземплярчик! Такого я за свою практику не встречал.

– Да? – отец Алексей приостановился. – И что же в нем вас так заинтересовало?

– Все, – возбужденно выдохнул Кулешов, – абсолютно все.

Он остановился у палаты.

– Все в нем не так, – продолжил Кулешов. – Во-первых, у него, как бы вам попонятней объяснить – полный двойной набор внутренних органов.

– Это как?

– Как? Два сердца, две печени, четыре легкого, четыре почки и так далее. Все внутренние органы у него в двойном экземпляре.

– Как это возможно?

– Я же вам о чем и говорю – за свою практику я встречаю это впервые! А я, кстати говоря, в медицине, слава богу, уже сорок лет. Безусловно, я знаком со случаями, когда у людей встречался какой-нибудь аномальный парный орган, порой даже несколько. Это аномалия, но таких случаев сколько угодно. Но чтобы полный дублирующий набор и, при этом, полностью функционирующий – просто чудо. А остальные результаты исследований – вообще из ряда вон. У него в организме серебра и золота – как в ювелирном магазине, не говоря о других микроэлементах. Это гипераномалия! Не знаю, может быть, я безнадежно отстал в нашем захолустье. Я уже позвонил в мединститут, в Ростов. Обещали скоро быть здесь. Пусть они занимаются этим уникалом. У меня на это времени нет. Да и возможностей тоже.

– Позвольте мне взглянуть на него?

Кулешов в нерешительности потер седую клиновидную бородку, взглянул поверх очков:

– В виде исключения, батюшка, только на минуту. Реанимация, все-таки, понимаете?

– Безусловно.

Реанимационная палата выглядела намного свежее остальных помещений, в ней уже успели сделать косметический ремонт. К тому же сюда, не без участия отца Алексея, закупили и установили практически все необходимое оборудование.

Отец Алексей увидел лежащего на койке, оплетенного проводами и трубками, человека. Теперь он понял, почему всех поражал один лишь вид этого незнакомца. Даже в столь, казалось бы, беспомощном состоянии, ощущалась огромная сила в этом могучем теле. Рост незнакомца был никак не менее двух с лишним метров. Огромные мышцы рельефно бугрились по всему

телу. Моложавое лицо обрамляли белоснежные кудри и курчавая бородка. Васильковый взгляд безучастно упирался в потолок.

«Вот такими, по-видимому, и были былинные богатыри, – с восхищением взирая на гиганта, подумал отец Алексей. – Будто прямо из сказки».

– А что с его волосами? Это седина? – отец Алексей указал на незнакомца.

– Пока не знаю. Ясно одно – его нынешнее состояние определенно указывает на предельное напряжение моральных и физических сил. Его мышцы до сих пор находятся в тонусе. Словно он еще не вышел из какого-то невидимого сражения. Уникальный, совершенно уникальный случай. Я очень надеюсь, что мои ростовские коллеги смогут ему помочь.

– Бог в помощь вам в этом благом деле. Я помолюсь за него. Жаль имени его мы не знаем, посетовал отец Алексей.

– Это, кстати, тоже вопрос, – Кулешов поднял многозначительно указательный палец. Он подошел к незнакомцу и аккуратно отодвинул край простыни.

Отец Алексей был озадачен. Он знал значение этого знака. На могучей груди богатыря ясно был виден, словно выжженный, знак Ключа Вечности. Под ним выжжена четкая надпись «Валаам».

– Не знаю, что эта надпись еще могла бы значить, но смею предположить, что это и есть его имя, высказал Кулешов свое мнение. – Не думаю, что эта надпись имеет отношение к знаменитому острову. Хотя, это всего лишь мое предположение.

«Валаам, – направляясь к выходу из палаты, отец Алексей был погружен в раздумья. – Если это его имя, то весьма странное, так же, как и все, что с ним связано. Не припомню, чтобы кто-нибудь в последнее время нарекал детей подобными именами. Разве если только родители его были большими оригиналами. А ему на вид не более тридцати лет. Где же еще в России так нарекают последние тридцать лет? Или он не из России?»

Обернувшись, чтобы еще раз взглянуть на необычного незнакомца, отец Алексей вздрогнул. Незнакомец сидел на койке и смотрел на него.

– Именем Всевышнего Разума, служитель – познай истину Великого Замысла, – произнес великан и лег в прежнее положение.

Отец Алексей потрясенно посмотрел на Кулешова. Тот недоуменно поправил очки:

– Что с вами, батюшка?

– Мне показалось... – отец Алексей неотрывно смотрел на «Валаама». Но тот был неподвижен. – Мне показалось, он пошевелился.

Кулешов вернулся к пациенту, осмотрел его, затем внимательно проверил показания монитора и недоверчиво взглянул на священника:

– Это невозможно, батюшка. По крайней мере, сейчас невозможно.

Незнакомец безжизненно лежал на койке.

«Бесовщина какая-то», – отец Алексей старательно перекрестился и, сокрушенно покачивая головой, вышел из палаты.

Кулешов задумчиво почесал бородку, еще раз взглянул на монитор и, пожав плечами, последовал за священником.

По пути к храму отец Алексей размышлял.

Все, что было связано с незнакомцем, имело мистический налет и это его беспокоило. Он, безусловно, верил в Господа, но верил и в существование дьявола. Он верил в то, что внутри каждого человека происходит постоянная борьба между добром и злом, исход которой и приводит его душу в рай или в ад.

Но в мистику он не верил. Он был реалистом и наряду с верой в Бога, признавал законы, которыми руководствовалась современная наука, в соответствии с которыми любая чертов-

щина не имеет права на существование и является уделом впечатлительных людей. Он же, человек, прошедший горнило афганской войны, не относил себя к этой категории.

Так было всегда. До последнего времени.

Но появление этого незнакомца порождало у него предчувствие грядущих волнующих событий. Ничто так не увлекает и не пугает, как предстоящая неизвестность.

Его раздумья были прерваны у входа в храм тревожным возгласом.

– Батюшка, чудо! – у входа в храм стоял, растерянно хлопая белесыми ресницами, дьякон Симеон. – Чудо, батюшка!

– В чем дело, Симеон? Что за чудо, ты о чем? – отец Алексей насторожился. В груди что-то затрепетало. Неужели то, что его беспокоит, имеет продолжение?

– «Святая троица» замироточила! – выдохнул дьякон.

– Неужто? – отец Алексей недоверчиво глянул на Симеона и заторопился в храм. – Ты ничего не путаешь, Симеон? В самом деле?

– Истинный крест, батюшка! – Симеон размашисто перекрестился. – Я, батюшка, вначале сам не поверил. Думал – грезится. Но нет, присмотрелся – точно, мироточит.

В храме отец Алексей устремился к иконе «Святой Троицы» и благоговейно замер. От глаз Ангелов вниз бороздили струйки маслянистой прозрачной жидкости.

Такое он видел лишь однажды, в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Тогда это зрелище оказало на молодого священника неизгладимое впечатление. Но тогда он был молод и воспринимал мир с романтической увлеченностью, когда любое чудо было лишь новой яркой страницей познания.

Сейчас это чудо приобретало для него совершенно другой смысл. Теперь он чувствовал, что мироточение исключительное событие, неминуемо влекущее за собой столь же неординарные последствия, однако их суть для него пока была сокрыта.

Глава 10

– Благо грядет на нашу землю, батюшка, благо, – матушка Ольга, супруга отца Алексея, держала в обеих руках руку мужа. – Я знаю, мироточение – великий знак грядущего блага.

Отец Алексей тепло взглянул на супругу, но ничего не ответил.

Они сидели за столом в кухне. В глиняной миске, дымясь, остывала душистая, рассыпчатая картошка с молодым укропом – любимое блюдо отца Алексея. Однако аппетит безвозвратно покинул его сегодня. Черета поразительных событий всколыхнула его сознание, и ввергла в глубокие размышления. Несомненно, мироточение иконы – событие исключительно благое, но вместе с тем имело сейчас какое-то вполне определенное значение. Его прихожане ждали от него толкования, он же был в неведении относительно грядущих последствий знаменения.

– Я тоже так думаю, матушка, но хотелось бы знать об этом немного больше, – отец Алексей задумчиво огладил бороду. – Но больше знает лишь Господь.

Матушка лишь успокаивающе погладила его руку.

В дверь дома постучали, и матушка Ольга пошла открывать.

В дверях появился Фролов с усталой улыбкой на лице и с уже знакомой отцу Алексею сумкой.

– Добрый вечер, батюшка. Я принес ту штуковину.

– Проходи, Юрий Степанович, – отец Алексей поднялся из-за стола.

Они прошли в соседнюю комнату, где стояли полки, уставленные до самого потолка книгами.

– Вы много читаете, батюшка! – Фролов восхищенно обвел глазами библиотеку.

– Да, Юрий Степанович, в книгах вся наша жизнь. Как только человек научился создавать изображения, он не перестает описывать окружающий его мир – отчасти в картинах, отчасти в письменах. Книги же – истинное богатство человечества. Говорю тебе это, может быть и велеречиво, но от чистого сердца. Я очень люблю книги и готов прославлять это чудесное изобретение всегда и везде.

– Я тоже люблю читать, только времени не хватает, – смущенно потер нос Фролов, отводя взгляд в сторону книжных шкафов.

– Время, Юрий Степанович, субстанция управляемая. Им лишь нужно правильно распорядиться, – священник дружелюбно улыбнулся. – Да ты это и сам прекрасно знаешь. Ну, да ладно. Давай-ка все же займемся интересующей сейчас нас обоих вещью.

Фролов расстегнул сумку, и осторожно вынув из нее загадочный раритет, передал его священнику.

Отец Алексей бережно принял ценный предмет и аккуратно положил его на стол, стоявший у окна.

– Присядь, Юрий Степанович, – пригласил он участкового, – а я пока подберу нужную книгу.

Он подошел к книжному стеллажу. Библиотека у отца Алексея действительно была не малой. Естественно, здесь не было бульварных романов, современных бестселлеров. Основу библиотеки составляли научные труды, философские трактаты. Художественная литература была представлена широким диапазоном – от Гомера и Свифта до Флобера и Пикюля. Большую часть библиотеки собрал его отец – профессор филфака Ленинградского госуниверситета, и именно он привил сыну любовь к книгам, сам истинный книгоман. Как-то однажды в беседе он сказал Алексею: «Письменность – это застывшее время. Именно письменность была величайшим изобретением человечества. Если бы я не был убежденным атеистом, то счел бы, что

она ниспослана свыше. Только письменность окончательно выделила человека из животного мира. Все остальное животные умеют делать проще и лучше человека».

Отец Алексей не вел картотеку, но хорошо ориентировался в этом книжном царстве и потому без труда отыскал необходимую книгу. В его руках оказался «Словарь древнеегипетского языка» Адольфа Эрмана.

– Вот то, что может нам помочь, – отец Алексей раскрыл книгу и в благоговейном предчувствии подошел к столу, на котором лежал их предмет исследования.

Положив книгу рядом с раритетом, он достал из ящика стола большую лупу.

Вспомнив странные ощущения, охватившие его в храме при первом осмотре необычного предмета, отец Алексей осторожно придвинул его к себе и приступил к исследованию.

На гранях таинственного раритета были действительно нанесены иероглифы. Способ их нанесения был своеобразный – складывалось впечатление, что они просто выросли из него. Красный оттенок металла при изменении угла падения света менялся на зеленоватый, голубой, синий, фиолетовый, из чего отец Алексей заключил, что металл все же вряд ли являлся медью, как ему показалось вначале. Может быть какой-нибудь сплав? Присмотревшись к иероглифам, он обнаружил, что на них также нанесены иероглифы, более мелкого шрифта и совершенно другого вида, в свою очередь на более мелких еще более мелкие, пока последние не превращались в неразличимый орнамент. Получалось, что каждый иероглиф, кроме собственного, содержал в себе еще дополнительные значения.

– Да, мастер немало потрудился над этой вещицей. Прямо какой-то древний Левша. Теперь попробуем прочесть, что он тут изложил.

Выписав на лист один из более крупных иероглифов, он стал листать книгу.

Фролов внимательно наблюдал за действиями отца Алексея и, казалось, боялся лишней раз дохнуть, чтобы не помешать исследованию. Но по озабоченному взгляду священника, который перемещался с предмета на перенесенные им записи, а затем в книгу, он догадался, что не все проходит гладко.

Наконец он не выдержал:

– Что-то не так?

Продолжая изучать иероглифы, отец Алексей, наконец произнес:

– Да, что-то тут не вяжется. Вроде бы иероглифы те же, что и древнеегипетские, только несколько отличаются. Может, поэтому в их сочетании нет смысла. Те же, что нанесены на более крупные, вообще не похожи на египетские. Ребус или идиограмма какая-то.

– Что же мы так ничего и не прочитаем из того, что здесь написано? – с заметной досадой сокрушился Фролов.

Отец Алексей беспомощно всплеснул руками:

– По крайней мере, хотя бы постараемся. Нужно подумать. Пожалуй, крупные иероглифы при определенном сочетании можно сложить в предложения. А вот более мелкие знаки совершенно иные, но то, что это письменность – я не сомневаюсь.

– А вы уверены, что это письменность, а не просто узор, или бессмысленное и хаотичное нагромождение знаков, – ненавязчиво предположил Фролов.

– Нет, это однозначно письменность, но мне она не знакома. Вообще-то это и не удивительно, ведь я не филолог.

«Был бы жив мой отец, он-то уж точно разобрался в этом ребусе, – с сожалением подумал отец Алексей».

– Одно, несомненно, – вслух продолжил он, – эта вещица наверняка должна представлять интерес для науки.

– Но крупные иероглифы прочесть все-таки можно? – не унимался Фролов.

– Многолетняя служба в милиции определенно воспитала в тебе, Юрий Степанович, любознательность и настойчивость, – в глазах отца Алексея блеснули задоринки. – Тебе, во что бы то ни стало, хочется докопаться до истины. Но как раз это я и пытаюсь сделать.

Отец Алексей принялся внимательно рассматривать знаки, выписанные им на листок. Знаки складывались в совершенно бессмысленные выражения.

«Глаз», «рука», «разум», «хранить» – все эти слова он не мог связать воедино, поскольку они перемежались знаками, совершенно не похожими на древнеегипетские иероглифы. А ведь именно они и могли придать значение изложенному.

– Сплошная загадка, – отец Алексей задумчиво осматривал загадочный предмет. – Пока мы не прочитаем письма, мы не узнаем для чего служил этот предмет. К сожалению, это оказалось не так просто, как мне казалось. Но это и не удивительно – ведь я в этом деле всего лишь любопытный дилетант. Но сдаваться мы не станем. Все, что когда-то, кем-то было написано, непременно должно быть прочтено. Если б можно было оставить раритет до утра, я мог бы с ним еще поработать, переписать тексты и попробовать их перевести. Но, я думаю, это не допустимо?

Фролов смущенно замялся:

– Вы... не подумайте, батюшка, что я вам не доверяю, или еще чего там... Но эта штука – вещественное доказательство с места происшествия или, что вполне возможно – преступления. Я просто не имею права – несу за нее большую ответственность. Я и так ведь пошел на нарушение, принес ее к вам. Лучше я вам ее еще раз принесу.

– Конечно, Юрий Степанович, – согласился отец Алексей. – Ты прав. Я сам все прекрасно понимаю – порядок есть порядок.

Фролов как-то особенно бережно погладил таинственную вещицу. Вероятно, тот факт, что она оказалась такой загадкой даже для отца Алексея, которого он считал умным и разносторонне образованным человеком, вызвал его дополнительное уважение к ней.

– Кстати, – Фролов внезапно оживился, – у меня есть альтернативный вариант. Я сфотографирую его со всех сторон и принесу вам фотографии.

Отец Алексей улыбнулся:

– Я совсем забыл, Юрий Степанович, что мы с тобой живем в век высоких технологий, и в нашем распоряжении имеется множество полезных изобретений. Сделай, пожалуйста, несколько четких снимков.

– Сделаю в лучшем виде, – Фролов самодовольно приосанился. – Я тут по случаю купил сыну новинку на день рождения – цифровой фотоаппарат. Фото получаются – высший класс, как живые. Так что качество снимков гарантирую. Ну, мне пора, засиделся я, а мне завтра ни свет, ни заря – службу нести.

– Спасибо тебе, Юрий Степанович, заранее. Давай-ка чайку на дорожку попьем.

– Благодарю, батюшка, но откажусь однозначно. Время позднее, а мне еще эту штуку в отделение отвезти надо.

– Да, Юрий Степанович, чай – это напиток, не терпящий спешки: засуетился – обварился. Неволишь не буду, служба – есть служба. В следующий раз мы с тобой с чаю начнем. Чай у меня матушка заваривает отменный, сам убедишься.

– В следующий раз непременно попробую. А сейчас не обессудьте, – Фролов с искренним сожалением развел руками.

Он уложил раритет в сумку и, попрощавшись, уехал.

Отец Алексей вернулся к столу, положил перед собой листки с переписанными иероглифами и, задумчиво обхватив руками голову, принялся рассматривать древние знаки. Его удручало то обстоятельство, что он не мог прочесть письма, которыми так увлекался в юности и прочитывал без труда. Он чувствовал, что, не смотря на видимые различия, знаки имели единые корни с древнеегипетскими. Напрашивался вывод, что эти знаки и явились прототи-

пом древнеегипетского письма. Следовательно, и значение их должно быть в принципе соответствующим. Как ему представлялось, необходимо было найти связь между значениями знаков и их расположением в тексте. Что-то вроде ребуса.

«Ничего, я еще ни разу не бросал начатое, не оставлю и на этот раз, – решил отец Алексей, успокаивая утомленное сознание. – Эти письма я непременно прочту. Чувствую, что значат они что-то очень важное».

***

Ночью отец Алексей спал беспокойно. В тягучем, липком сне его неотступно преследовали неясные, сумрачные тени. Он пытался убежать от них, поднимаясь вверх по узкой, бесконечной лестнице с потрескавшимися каменными ступенями, но никак не мог оторваться от них. Тени, словно прикованные, следовали за ним, то наседавая сзади, то обгоняя, то вихрем кружась вокруг него. Он слышал их хриплое, злобное дыхание, хищное шипение и старался ускорить свой бег, с ужасом осознавая тщетность своих усилий. Окружавший его гнетущий полумрак был словно насыщен этими тенями. Но он был беспощаден к себе и продолжал бежать, поднимаясь все выше и выше. Он был поражен собственной выносливостью и никак не мог понять, откуда берутся силы для этого безудержного бега. Неизвестно, сколько этот бег еще продолжался бы, но внезапная вспышка света впереди взорвала полумрак. Тени с истошным воплем взметнулись и отпрянули, избегая соприкосновения со светом. Ближние из них, скорбно взывая, бесследно растворялись в лучезарных волнах. Злобное шипение, удаляясь, постепенно затихло, уступая место завораживающей звенящей тишине. Навстречу ему двигался, вначале бесформенный, сгусток света, который, по мере приближения, обретал форму человеческой фигуры. Он, словно проявляемый в растворе снимок, обретал очертания и цвет... И вот уже навстречу ему шел Валаам. Его могучая фигура в светящемся ореоле, была облачена в сверкающие, золотые доспехи. Белоснежные кудри его развивались на ветру.

– Именем Всевышнего Разума, служитель – познай истину Великого Замысла, – произнес Валаам уже знакомую отцу Алексею фразу.

– В чем состоит этот замысел? – спросил отец Алексей.

– Ты узнаешь. Она начертана в текстах священного «Апокрифонума». Твоя душа чиста. Она выжжена огнем и возрождена верой. Тебе пора познать истину Великого Замысла. Это долгий путь познания. Нельзя медлить с началом пути, когда путь долог. Познай истину и вознеси ее. Грядет время великих испытаний. Этот мир слишком хрупок и ему трудно сохранить равновесие, в котором он существует. Тьма готова нарушить его целостность. Ей необходимо противостоять великим Знанием. Это тяжелое бремя – бремя знания.

– Во имя Господа я готов к любому бременю, – уверенно ответил отец Алексей.

– Ты познаешь великое Знание. Мы поможем. Я же всегда буду рядом с тобой, – Валаам повернулся и пошел вверх по лестнице.

Доспехи на спине его разверзлись, освободив два огромных белых крыла. На очередной площадке бесконечной лестницы Валаам остановился, обернулся к отцу Алексею и повторил с лучезарной улыбкой:

– Я всегда буду рядом.

Расправив крылья, он взмыл ввысь и растворился в голубом просторе небес.

Оставшись один, отец Алексей вдруг осознал, что не знает, что ему делать дальше. Постояв в нерешительности, он все же пошел вниз по лестнице, туда, где еще недавно его преследовали сумрачные тени. Но страх перед ними отступил, и он все увереннее и быстрее двигался обратно, в привычную неизвестность.

Глава 11

– Ну и что вы мне предлагаете с этим делать? – Азаров бросил пластиковую папку на стол главного редактора. – Я же вас предупредил, что этот Миронец подкиннет нам какую-нибудь пакость. Ждать от него другого – сущая наивность.

Шумилин, главный редактор журнала «Танаис», скользнул по папке взглядом поверх золоченой оправы очков, даже не удосужившись ее открыть. Он слишком много времени проработал в средствах массовой информации, чтобы знать наверняка, что влечет за собой общение с политиками. Когда долгое время возвращаешься в их окружении, поневоле привыкаешь к их атмосфере и знаешь, от кого и чего можно ожидать. Знал он, безусловно, и Миронца, и его соратников, знал методы их работы, поэтому ему незачем было открывать эту папку. Сейчас его главным образом беспокоили невыносимые боли в желудке, вызванные язвой, и поэтому эта беседа его раздражала еще больше.

Азаров тоже был опытным журналистом и понимал все то же, что и Шумилин, но в отличие от него, не был связан какими-либо обязательствами и потому не мог принять, как должное, издание в прессе фальшивок, подобных той, что предлагалось изготовить ему.

– Пойми же ты, Азаров, – пытался убедить его Шумилин, – как бы там ни было, все решено. От меня, а тем более от тебя, ничего не зависит. Миронец, независимо от нас с тобой, неминуемо добьется своего. Это лишь вопрос времени. Я никогда не суюсь в политику, но во все времена гибкость в тех или иных ситуациях позволяла мне находить оптимальный вариант. Нынешнее положение дел как раз требует подобной гибкости. Если ее проявишь не ты, ее проявят другие. В таком случае ты утратишь с таким трудом завоеванные позиции. Это-то тебе понятно?

– Как же тут не понять! – театрально развел руками Азаров. – Проявить гибкость, максимально прогнувшись.

– Так, Азаров, – Шумилин ударил по столу и зло сверкнул глазами. – Паясничать в моем кабинете я никому не позволю. А тебе могу посоветовать больше анализировать ситуацию и делать выводы. Твой скандальный характер хорошо всем известен, поэтому не так много изданий, где тебя ждут с распростертыми объятиями. Ты умный мужик, Азаров, и нам с тобой незачем играть в «морской бой». Я тебя давно терплю, но и у меня имеются нервы. Ты помнишь, с чего ты начинал в нашем журнале? Хочешь снова вернуться к третьеразрядным рубрикам? Тебе предоставляется шанс. Можно сказать, один из решающих в твоей жизни. Не воспользоваться им глупо. Миронец выбрал тебя и к этому нужно отнестись философски. Он все-таки негласный хозяин журнала, да и вообще – весьма влиятельная персона. Попробуй воспользоваться случаем и, может быть, в твоей жизни все круто изменится.

– Может быть, может быть, – Азаров задумчиво потер переносицу. – Я могу идти?

Шумилин решил, что Азаров принял его доводы, и лелея эту надежду, стал успокаиваться.

– Иди Азаров, иди и работай. И я тебя очень прошу, постарайся сделать так, чтобы результат устраивал тех, кто от нас этого ожидает. И папочку с материалом не забудь, – Шумилин аккуратно, одним пальцем подвинул папку на край стола, в упор глядя на Азарова.

Когда Азаров вышел, Шумилин устало откинулся в кресле. Сейчас он был зол не столько на Азарова, строптивость и принципиальность которого всегда его раздражала. Больше его злил Миронец, который настойчиво требовал, чтобы статью написал именно Азаров. В редакции было полно других журналистов, способных не менее успешно и без лишних вопросов справиться с этой работой, однако Миронец категорически отклонил все кандидатуры. Шумилину расчет Миронца был в общем-то ясен – уничижительная статья, разоблачающая прежнего губернатора, к тому же написанная известным своей принципиальностью и честностью жур-

налистом, будет воспринята как неоспоримая истина, опровержение которой потребует определенных усилий. Однако весь основной груз при этом ложился на его, Шумилина, плечи. Ведь именно ему предстояло заставить этого несносного Азарова воплотить в жизнь замысел Миронца. В то же время он осознал, что Азаров далеко не наивный мальчишка и прекрасно понимает, что пытаются сделать его руками. Но по его, Шумилина мнению, также должен понимать, что с такими людьми, как Миронец, нужно быть предельно осторожным. Лично Шумилина озноб пробирал при одном только взгляде Миронца. Это было на уровне подсознания. Он прекрасно знал о могуществе Миронца и надеялся, что и Азаров испытывал те же ощущения при встрече с Миронцом, поэтому не терял надежду, что тот выполнит поставленную задачу.

Язва вновь настойчиво напомнила о своем существовании.

Азарова действительно беспокоили некоторые ощущения, но совершенно иного характера, нежели те, что волновали Шумилина. Сидя за рабочим столом перед выключенным компьютером, он никак не мог освободиться от ощущения, что в пустом кабинете присутствует кто-то незримый. Он несколько раз обвел взглядом кабинет. Три стола его коллег – журналистов были пусты. Однако чувство постороннего присутствия было неотвязным.

Черный экран монитора внезапно вспыхнул в полумраке кабинета, словно рассветное зарево. Оно, медленно разливаясь, волнами заполнило помещение. Азаров от неожиданности отпрянул от стола. Всматриваясь в яркое свечение монитора, ему почудились очертания едва различимого образа, который, словно в дымке, то проявлялся четче, то размывался. Что-то в этом образе показалось ему очень знакомым, даже близким. Затем образ разложился на графическое изображение текста, который сопровождал шепот. Шепот был тих и далек, словно заблудившееся во времени эхо. Слов было не разобрать. Слух едва различил: «...осторожнее...готовься...». Графический текст же излагал то, что всего лишь в зародыше зрело в его сознании. Это был текст его будущей статьи. Содержание этой статьи пока лишь теплилось в его сознании, и не было известно никому. Однако оно уже было воспроизведено на мониторе. Где-то глубоко в душе Азарова лишь только начало зарождаться беспокойство по поводу того, что мысли его уже стали чьим-то достоянием, как все вдруг исчезло.

Свечение так же внезапно погасло и в кабинете вновь воцарились полумрак и тишина.

– Типичная галлюцинация, – словно подбадривая себя, громко произнес Азаров. Он потер ладонями глаза. – Нервишки, однако.

«А Савельев убеждает меня, что я здоров, – продолжил он про себя. – Разве бывают галлюцинации у здоровых людей? Нет, Серега, что-то ты во мне не разглядел. Или мне не досказал. Вообще я не очень понял, о чем ты говорил. Может быть, ты и сказал мне что-то важное, а я тебя просто не понял? Как бы там ни было, пора отдыхать».

Стряхнув оцепенение, Азаров перевел взгляд на провод питания компьютера и вновь опешил. Соединительная вилка провода по давно заведенной привычке была вынута из розетки и покоилась на системном блоке. Он вспомнил, что сделал это еще утром.

Он решительно встал, выключил свет и направился к выходу. На пороге кабинета он оглянулся на безжизненный экран монитора, пожал в недоумении плечами и закрыл кабинет.

Выйдя на улицу, он испытал облегчение. Несмотря на то, что летняя духота еще правила бал, легкая вечерняя прохлада уже начала свое робкое наступление. По тротуарам вдоль Пушкинской неторопливо и расслабленно двигалась разношерстная толпа. Была пятница и люди, уставшие от напряженной суеты рабочей недели, предвкушая выходные дни, замедляли немислимую урбанизированную гонку. Летние кафе были уже заполнены до отказа. Кому не хватило места, разместились на лавочках, в аллеях. Недельная суета сменилась расслабленным гулянием.

Разноголосая музыка доносилась со всех сторон. Тексты хип-хопа заглушались незамысловатой какофонией попсы, но вырвавшийся откуда-то рок глушил все остальное, разрывая в клочья томность вечера.

Покрывая сиреной весь этот музыкальный коктейль, расплескивая в стороны фиолетовые блики, куда-то пролетела карета скорой помощи. Увлеченные собственным досугом, никто не обратил на нее внимание. Лишь пожилая пара, медленно прогуливающаяся по тротуару, приостановившись, грустно сопровождала машину взглядом.

Азаров также остановился, наблюдая за сверкающими огнями удаляющейся «скорой». Он бы не смог объяснить, чем она привлекла его внимание. Просто ему очень захотелось, чтобы эта скорая помощь прибыла на вызов вовремя.

***

Стоя у окна со стаканом холодного чая, Азаров наблюдал, как заканчивается день. Угасающее солнце, уходя за горизонт, медленно притянуло за собой длинный черный шлейф ночи. Город начинал расцветать разнообразными искусственными огнями, которые, словно осколки разноцветного стекла, поблескивали и смешивались с медленно проявляющейся звездной россыпью. Лишь едва различимый горизонт обозначал границу между этими похожими, но совершенно разными мирами огней.

Вечер все еще был душным, как и подобает южному июльскому вечеру. Тепло, накопившееся в течении дня в камне, бетоне и асфальте, теперь волнами извергалось обратно и заполняло окружающий воздух. Азарова радовал тот факт, что на сорокаметровой высоте его этажа движение воздуха было гораздо более значительным, чем там, внизу, и он наслаждался каждым его дуновением, врывавшимся в открытое окно.

И все же это идиллическое восприятие тихого летнего вечера нарушалось необъяснимым беспокойством надвигающейся угрозы какой-то неясной темной силы, нависающей над городом. Он сел на диван и уперся взглядом в злополучную пластиковую папку, лежащую на журнальном столике. Именно она сейчас казалась олицетворением той темной, надвигающейся угрозы и он ощущал себя последним бастионом на ее пути. Ему даже представлялось, что он понимает значение этой угрозы, но свою роль в этом спектакле теней определить пока не мог.

И больше всего остального его беспокоило собственно непонимание того, что же ему делать в сложившейся ситуации. Самым простым решением было отказаться от этого гнусного дела, вплоть до увольнения из редакции. Так было бы, по крайней мере, порядочно и честно, и так бы поступил любой порядочный журналист, не желавший участвовать в грязной интриге. Было бы, но лишь отчасти. Нашелся бы другой, не обремененный чистоплотной принципиальностью, писака, который без доли сомнения выполнил бы эту работу, расписав все в цветах и красках, и при этом гордясь собственным «произведением».

Азаров же относил себя к другой формации журналистов. Его убеждения не допускали фальши, лицемерия и главное – несправедливости. За это он не раз горько расплачивался, но менять принципы, вложенные в него всеми теми людьми, кто занимался его воспитанием, не собирался. Он знал, что не смог бы безучастно наблюдать за развитием событий. Он всегда готов был идти до конца, но сейчас совершенно не представлял себе выхода из создавшегося тупика, пребывая в растерянности, усугубленной ко всему прочему отсутствием времени на поиски того самого выхода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.